

16+

Хозяйка "Белой усадьбы"

Эльвира Осетина

Эльвира Осетина
Хозяйка «Белой усадьбы»
Серия «Хозяйка «Белой
усадьбы»», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67585319

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга первая. Я потеряла сына, но мне дали шанс его вернуть. За это мне придется пойти в другой мир и спасти его от неминуемой гибели. А в помощь мне дали несколько озлобленных на весь мир детей и угрюмого изуродованного наемника, ну и про магические способности, конечно же, не забыли. Дело за малым – поставить на ноги детей и спасти мир. Что ж... ради своего сына я готова на всё. В книге вас ждет: Бытовое фэнтези, дети, магия, любовь, адекватный мужчина

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	41
Глава 4	59
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Эльвира Осетина

Хозяйка «Белой усадьбы»

Пролог

Я сидела рядом с могилой моего мальчика и думала о том, как буду жить дальше.

Ребенка я рожала для себя от женатого мужчины.

О том, что я забеременела, он даже не знал и не узнает уже никогда.

Я специально его выбрала, чтобы не было потом никаких претензий, в случае чего.

Короткий роман с приезжим специалистом, который был обслуживать нашу технику в наш маленький городок, где своих мастеров не было.

Мы расстались спокойно, он просто уехал обратно в свой город, и больше я его никогда не видела.

Как же я была счастлива, когда узнала, что беременная.

Летала на крыльях, с радостью посещала кабинет своей подруги – гинеколога.

Родила безо всяких проблем, и это с учетом моего возраста, мне уже было на тот момент тридцать пять.

Может, и странно звучит, но в молодости я была убежденной «чайлдфри», как это сейчас модно говорить. Не хотела

вступать в брак (да и, откровенно говоря, в нашем захолустье не за кого было замуж выходить) и вообще считала, что женщина и сама может прожить. А семья – это пережиток прошлого.

Сама ведь тоже жила без родителей. Меня вырастила бабушка, возможно поэтому я и не особо горела желанием выскочить замуж поскорее. Тем более что в нашей провинции мужчин нормальных было кот наплакал и их быстро расхватывали. А внешность у меня была средняя, поэтому как невеста я никогда не котирировалась.

Да и одиноких женщин в городе было очень много, и никого это особо не удивляло.

Когда стукнуло тридцать четыре, поняла, что ужасно хочу ребенка. Нерастраченную любовь надо ведь куда-то девать...

У меня все есть: хорошая работа (бухгалтер в банке), личная квартира, доставшаяся в наследство от бабушки. Хоть и маленькая двушка в двухэтажном доме, построенном сразу после войны, зато своя. Безо всяких кредитов и ипотеки. Абсолютно все условия для нормальной жизни.

Когда родился Алексей, я думала, что с ума сойду от счастья.

Ребенок рос спокойным. И совершенно не болезненным. Я начиталась на форумах, что первый год – это ад для родителей, и готовилась к худшему. Но мой ребенок жил по часам, как в учебниках.

Он был идеален.

Скандалы закатывал всего раза три, и то только лишь потому, что резались первые зубы, а всё остальное время я не переставала на него радоваться.

Прочитала кучу психологической литературы, чтобы не сделать из мальчика маменькиного сынка. Я хотела вырастить самостоятельного серьезного мужчину.

У меня не было безумной материнской любви к нему.

Если он дрался за игрушки в детском саду или во дворе, я не бежала на разборки с пеной у рта, а ждала, когда сын сам решит вопрос со своим сверстником, а уже дома досконально разбирала проблему, стараясь разговаривать с ним, как со взрослым. А не сюсюкаться, как с малышом.

Мой мальчик был моей отрадой.

Он был очень умным и даже мудрым не по годам. Обожал всё исследовать. Читать и писать научился уже в четыре года, но сам отказался идти учиться в школу, хотя мне уже советовали в детском саду его отдать в первый класс.

Но мой Алексей сказал мне тогда: «Мама, мне будет тяжело среди старших детей, я подожду три года и пойду со сверстниками».

Он был идеальным ребенком.

А затем случилось то, чего я меньше всего ожидала.

Лейкемия.

Мой косный мозг не прижился, а найти отца ребенка я не смогла. В тот момент я проклинала себя за то, что не спросила его личных контактов, а на фирме их куда-то потеряли.

Но было уже слишком поздно.

Мой бедный мальчик целый год промучился в больнице, а затем тихо ушел во сне, так и не придя в себя после операции.

Похороны для меня прошли как во сне.

Я что-то делала, за что-то платила, подписывала какие-то документы. Увезла тело обратно в наш маленький городок, ведь мы последний год жили в «столице» нашей области.

И вот теперь осталась одна и сижу здесь, на могиле.

Сразу после похорон подруги меня увезли домой и какое-то время боялись оставлять одну. Я натянула улыбку на лицо, чтобы они не переживали за меня, а когда они уехали, отправилась обратно на кладбище.

Алешенька смотрел на меня с портрета и улыбался.

Он всегда на всех фотографиях улыбался, но глаза его были очень серьезными. Мой мальчик даже не капризничал и стойко переносил все болезненные процедуры в больнице.

Как я буду без него жить?

Дома я зашла в его комнату, легла на его кровать, обняла любимого мишку сына, закрыла глаза и сказала, вкладывая в собственные слова всю душу:

«Где бы ты ни был, мальчик мой, я готова отдать всё что угодно, лишь бы быть рядом».

Я так и уснула, лежа на его кровати, поджав под себя ноги и обнимая его игрушку.

А во сне ко мне пришел голос:

«Хочешь к сыну?»

«Да!» – не задумываясь выкрикнула я.

«Я могу тебя к нему перенести, но ты должна поклясться, что вылечишь больной мир».

На пару мгновений я растерялась, не совсем понимая, чего от меня хотят. А голос меня поторопил:

«Клянешься?»

«Да!» – опять выкрикнула я.

«Если не выполнишь обещание, твой сын умрет!» – сказал голос.

Я еще подумала о том, что он ведь уже мертв, но в голове будто что-то лопнуло, и я погрузилась во тьму.

А когда очнулась, то почувствовала сильный удар по лицу.
– Эй ты, шлюшка! Давай ноги раздвигай! Чего выделяешься! – услышала я грубый голос и, повернув голову, увидела стоящего перед собой грязного бородатого бугая, явно не особо трезвого, судя по его взгляду.

Глава 1

Мозг заработал с удвоенной силой. Быстро оглянувшись по сторонам, я поняла, что нахожусь в каком-то темном подвальном грязном помещении с решеткой вместо двери. Лежу на полу у ног этого бугая, который возится с завязками на своих штанах.

На полу в углу стоит керосиновая лампа, а рядом ведро, и, судя по запаху, это ведро предназначено для туалета.

Одежда у бугая очень странная. Мешковатые штаны, рубашка, которая когда-то, видимо, была белой, и кожаная жилетка.

А я сама одета в странное платье, явно не моё. Но очень потрепанное и грязное.

Мысленное обследование своего организма показало, что чувствую я себя вполне нормально. Ни голода, ни жажды, ни боли. И это с учетом того, что мужик меня по лицу ударил. Даже скула не саднит.

Бугай, расправившись наконец-то с завязками, опять потянулся ко мне, обдавая парами алкоголя. Я на автомате выставила руку вперед, пытаюсь отмахнуться, а из неё вдруг полился настоящий белый свет, который вошел в лицо бугая, словно нож.

Мужик в шоке уставился на меня, открыл рот, пытаюсь что-то сказать, но, закатив глаза, просто упал замертво.

Я убрала руку, посмотрела на неё и подумала, что если это сон, то он очень странный...

Медленно подползла к бугаю и прижала палец к его шее, пытаюсь нащупать пульс. Но пульс отсутствовал.

А затем я увидела темную лужу, что растекалась от головы бугая.

Я не сразу поняла, что это кровь, а когда до меня дошло, то в шоке шарахнулась подальше и заорала от ужаса.

– Эй! Тихо! Ты сейчас других приведешь! – услышала я сквозь шум в ушах чей-то голос.

– Что? Кто это говорит? Ты где? – спросила я и начала оглядываться по сторонам.

Но в помещении, кроме меня и бугая, никого не было. А оно было очень маленьким, буквально два на три метра.

– Я за стеной, забыла, что ли? – удивился голос. – Ты вырубил его? Обыскивай быстрее, у него ключ есть от решетки! И выходи.

Я решила послушаться человека за стеной, логика в его словах была, а я сейчас была в таком раздрае, что не знала, что делать.

А мужчина командовал вроде бы уверенно.

Боязливо подползла к бугаю и начала хлопать его по карманам. Благо лежал он на спине, и всё было в доступе.

Ключ и правда нашелся в одном из карманов.

Я встала и, подойдя к решетке, вставила ключ в замок, и он легко провернулся.

Взяла с собой керосиновую лампу, потому что за дверью было очень темно, почти ничего не видно.

– Вышла? – спросил голос, пока я осматривала подвал, состоящий из коридора длиной где-то метров шесть, с четырьмя дверями с такими же решетками, по две с каждой стороны.

Окон и даже тусклого света не было. Я кое-как заметила выход из подвала – лестницу в три ступеньки, заканчивающуюся массивной железной дверью.

– Да, – прошептала я.

– Помоги мне освободиться! – скомандовал голос.

Его решетка была рядом с моей.

Я подошла ближе, поднесла керосиновую лампу, чтобы рассмотреть говорившего мужчину, и тут же ахнула.

Лицо у мужчины было обожженным и заросшим неопрятной бородой, а руки вроде бы связаны за спиной. Волосы грязными паклями спускались с плеч. Да и запах... был не особо приятным. Кажется, он не мылся очень давно. А может, это от ведра так пахло? У меня ведь тоже ведро стояло в камере.

– Быстрее! – поторопил меня мужчина, подслеповато шурясь. – Если сюда придут, тебя по головке не погладят за то, что ты сделала с одним из этих работорговцев!

– Работорговцы? – в шоке спросила я, пытаюсь понять, как вообще могла оказаться в подвале и откуда взялись самые настоящие работорговцы.

– Тут ключ всего один, – пробормотала я.

– Он один и есть, – ответил мужчина.

– От всех дверей, что ли? – удивилась я.

– Ну да, это же старая Белая усадьба, – ответил мужчина, выделяя последнюю фразу, будто она означала что-то особенное.

Я вставила ключ в замок, и он спокойно провернулся.

– Невероятно, – крикнул мужчина, смотря на меня как на мессию. – Значит, ты и правда Хозяйка «Белой усадьбы».

Мне почудились благоговейные нотки в его голосе...

– Что? – не поняла я и добавила: – Руки помочь развязать?

– У меня кандалы, вставь в них ключ, только так я смогу выбраться.

У мужчины и правда были кандалы, самые настоящие, железные, как на руках, так и на ногах. Я такие только в кино видела – про рабов, которые на галерах работали. Большая цепь от кандалов была приделана прямо к стене. На вид они были очень массивными и тяжелыми. Господи, такими слонов можно спокойно удерживать.

Он даже толком разогнуться из-за них не мог.

Неужели он постоянно в них сидел? Как он в туалет вообще ходил?

Эти хаотичные мысли быстро пробегали в моей голове, пока я вставляла ключ и так же спокойно его проворачивала.

Мужчина начал быстро растирать ноги и запястья. Вышел в коридор, попрыгал немного, похрустел шеей, сделал махи

руками.

А затем рухнул передо мной на колени.

– Я готов служить тебе, Хозяйка «Белой усадьбы», верой и правдой до конца жизни, прими мою клятву верности, прошу, – сказал он, смотря на меня снизу вверх с надеждой во взгляде.

– Я не понимаю, о чем ты? – спросила я.

– Поторопись, – ответил мужчина. – Они скоро придут, а я должен тебе помочь.

Я пожала плечами.

Может, он чокнулся, сидя за решеткой? Но, с другой стороны, одна я всё равно не смогу выбраться, особенно если там таких психов, как бугай, что пытался на меня напасть, много. А «верный рыцарь» в моей ситуации совсем не помещает, даже если он не в себе.

– Хорошо, – заикаясь, ответила я. – Клятва принята.

Из моей руки вдруг вырвался белый луч, который попал в мужчину, и тот шумно выдохнул.

Я с ужасом отдернула руку, ожидая, что мой спаситель сейчас упадет замертво, как и предыдущий бугай, но на лице незнакомца, наоборот, расплылась счастливая умиротворенная улыбка, и он с лёгкостью подскочил на ноги, как будто получил убойную дозу энергетика.

– Моё имя Тодор, Хозяйка, – поклонился он, выделяя слово «хозяйка» по-особенному, с легким придыханием и благоговением. – Я должен обыскать вашего обидчика, вдруг

при нем оружие какое-то есть, оно нам поможет.

– Л-ладно, – кивнула я и тут услышала какое-то копошение со стороны третьей решетки и неуверенный детский голосок:

– Мама? – прошептал ребенок. – Это ты?

– Алеша? – резко крикнула я, сердцем чувствуя своего сына, и подбежала к третьей решётке, что была напротив.

Но на меня смотрел совершенно другой ребенок.

У моего сына были белые волосы и голубые глаза, а у этого мальчика были черные волосы и карие глаза. И возрастом он был старше.

Моему Алеше было всего шесть, а этому мальчику лет десять примерно.

– Мамочка, да! Это я, твой Алекс! – крикнул ребенок, отчего моё сердце кинулось вскачь.

Я и правда иногда звала моего Алешу на иностранный манер Алексом.

Боже... неужели это и правда он? Это мой Алеша?

Трясущимися руками я вставила ключ, повернула его, а мальчишка бросился ко мне обниматься и захлебываться слезами.

– Мама, мамочка, я знал, что ты придешь за мной, я знал, что не оставишь! – заикаясь, говорил он, уткнувшись мне в грудь и обильно поливая платье слезами. – Ко мне во сне голос приходил, поддерживал, говорил, что скоро тебя ко мне приведет!

Мальчик тоже был очень грязным, заросшим, и от него пахло давно не мытым телом.

– Алеша, а как меня зовут? – тихо спросила я ребенка, чтобы полностью удостовериться в том, что меня не обманывают и это правда он.

– Екатерина. Рина тебя подруги называют еще, – удивился мальчик и, подняв голову, внимательно посмотрел на меня, а затем ахнул и резко отпрянул.

– Что? Я сделала больно? – Я в ужасе посмотрела на свои руки, решив, что случайно задела своего сына.

– Нет, – медленно покачал он головой и тихо сказал: – Ты не похожа на маму, ты не она. Моложе намного. Девчонка совсем. И лицо другое. Волосы, глаза... Но я... я не знаю, но я почему-то уверен, что ты она и есть. Я просто чувствую это здесь.

Алекс положил грязную ладошку на свою грудь.

– Это я! Клянусь, что я! – расплакалась я от счастья и, шагнув вперед, притянула сына обратно к себе.

– Хозяйка, – резко появился рядом Тодор, чем сильно меня напугал. – Прости, Хозяйка, но я нашел в его камерке оружие и должен зачистить весь дом. Дай мне разрешение разобраться с работоторговцами.

Я перевела взгляд почему-то на сына, а его лицо вмиг изказило чистой злобой, и мой миролюбивый мальчик вдруг заявил:

– Этих тварей надо всех убить!

– Что ты говоришь такое? – ахнула я.

Мой ребенок не был таким...

Я ведь учила его всегда быть спокойным, рассудительным и не рубить сгоряча. И самое главное – не причинять вред другим людям! Только если защищаешься.

– Ты не понимаешь! – запальчиво выкрикнул мой сын. – Я месяц уже тут сижу, эти гады людей воруют и продают в другие страны. Детей, взрослых! Они изверги. Нас почти не кормили. Постоянно издевались и били. Мама, дай Тодору разрешение, чтобы он с ними разделался!

Моё сердце сжалось от ужаса. Алеша просидел целый месяц! Месяц! Как же так?

Я медленно повернула голову к стоящему рядом мужчине и тихо сказала:

– Если другого выхода не будет, то я разрешаю защищаться и защищать нас.

– Хорошо, – поморщился Тодор и пробормотал себе под нос: – Задача усложняется в разы. Закройте за мной дверь и никому не открывайте, пока я не вернусь.

Я прошла к выходу, открыла ключом дверь, а затем заперла её, когда мужчина выскользнул в коридор.

Почему-то в голове не было ни капли сомнений в том, что он нас просто бросит.

Вернулась к сыну, а он зашел обратно внутрь своей камеры.

– Не бойтесь, – услышала я голос Алеши, – это моя мама.

Она нас спасет.

– Всех? – еще один детский голос, но более грубый, ответил моему сыну.

– Конечно, всех, – удивился мой сын. – Это же моя мама.

– А она правда Хозяйка «Белой усадьбы»? – спросил еще чей-то более тонкий и слабый голосок.

Я шагнула внутрь и подсветила пространство.

На меня смотрело несколько перепуганных глазенок.

Это были дети. Они собрались в кучку и жались друг к другу в углу.

Эта камера была раза в два больше моей.

Однако все равно для них она была тесной.

Душу затопила черная ярость.

Кто мог так издеваться над детьми? Какой тварью надо быть, чтобы держать их в таких ужасных условиях? Теперь я и сама не прочь пойти и еще раз попинать того подонка, который валяется там в луже собственной крови, и всех тех сволочей за то, что они сотворили!

Надеюсь, Тодор их всех проучит!

Я насчитала трех мальчишек-подростков, двух девочек возрастом лет восьми и десяти, с совсем маленькими детьми на руках, которым на вид было года два или даже полтора.

Всего семеро, и мой сын – восьмой.

Все дети были очень грязными и одеты в какие-то лохмотья.

– Как вы тут все оказались? – только и смогла спросить я

охрипшим голосом.

Алеша подошел и обнял меня.

– Я месяц назад очнулся. Помню, что после операции был, – заговорил он, – думал, брежу. А когда стало получше, то понял, что это уже не бред. Решил, что меня украли, а тебя шантажируют. Помнишь, как в том кино, мы еще смотрели его по телевизору?

Я смогла лишь кивнуть, потому что ответить не получалось, в горле встал комок, а сын продолжил:

– Но мы ведь не богатые, ты же не могла бы много денег за меня дать, наша квартира стоит копейки, сбережений вообще никаких нет, к деньгам в банке у тебя доступа нет, ты же бухгалтер простой. А потом они мне рассказали, что мы попали к работарговцам и они нас продадут в Алилах – это страна такая, в бордель или на работы. Кому как повезет. А еще этот мир не наш, мама.

Я кое-как сглотнула колючий ком в горле.

– Ты очнулся месяц назад? – переспросила я.

– Ага, – кивнул мой сын. – Кажется, я попал в тело другого ребенка и очутился в другом мире. Дети мне сказали, что этот мальчик вроде бы укусил охранника и он его сильно по голове ударил. Все подумали, что мальчик уже умер, а я очнулся. Ты тоже в другое тело перенеслась. Эта девушка появилась здесь вчера, я видел, как её притащили эти нелюди и бросили. Она долго редела. Потом притихла. А сегодня этот к ней пришел, начал бить. Мы все слышала. Её голос

резко оборвался, когда он очередной раз её сильно ударил. А дальше ты знаешь, – спокойным голосом поведал мой сын совершенно фантастическую и одновременно очень страшную историю.

А у меня в голове резко появилось воспоминание, где я поклялась голосу спасти «больной мир» в обмен на сына.

Я встала на колени и посмотрела сыну в карие глаза.

– Мама, я даже не знаю, что хуже, – сказал Алеша, – то ли лежать и постоянно терпеть боль, то ли здесь, в этом грязном подвале, сидеть и мучиться от голода.

Я крепко обняла его и прошептала:

– Я рядом, теперь всё будет хорошо.

– Я знаю, знаю, мамочка, – пробормотал мой ребенок.

Такой отважный, такой сильный, но всё равно ребенок. Не представляю, что он испытал, сидя тут целый месяц. И почему так долго? Почему меня сразу к нему не перенесли?

Когда я услышала шорох, то сразу же подняла голову и увидела мальчишку. Он выглядел чуть старше моего сына, да и ростом был выше. Взгляд мальчика был серьезным, брови сдвинуты на переносице, он настороженно оглядывался, шурясь и пытаясь рассмотреть меня.

А я вспомнила про труп в моей камере.

– Так, вы пока в коридор не выходите, – погромче сказала я детям, – сейчас дождемся Тодора, потом думать будем, что дальше делать, ладно?

– Ты правда Хозяйка «Белой усадьбы»? – спросил маль-

чик, смотря на меня с сомнением и игнорируя мою просьбу.

– Я не знаю, – пожала я плечами в растерянности. – Меня так Тодор называл.

– Если ты и вправду Хозяйка, то я хотел бы поклясться тебе в верности, – вдруг заявил ребенок, и я заметила, как сверкнули решимостью его глаза.

Он смело шагнул из камеры и подошел ко мне близко, но с другой стороны, обойдя моего сына. А затем бухнулся передо мной на колени и громко и четко сказал:

– Я готов служить тебе, Хозяйка «Белой усадьбы», верой и правдой до конца жизни, прими мою клятву верности, прошу!

Алеша посмотрел на мальчика с удивлением, но почему-то никак не стал комментировать его поступок и с ожиданием взглянул на меня.

Я услышала, как зашуршали дети, и, повернув голову, увидела, что все они подошли вплотную к выходу из своей камеры и смотрят сейчас на меня с затаенной надеждой в глазах и ожиданием чуда.

После всех этих взглядов, полных надежды, само собой, отказать ребенку я не смогла.

Поэтому, немного отодвинув сына в сторону – на всякий случай, а то сама еще не понимаю, как работает этот белый свет, что льется у меня из руки, – я положила ладонь мальчику на голову и так же громко и четко ответила:

– Клятва принята.

И сама еле удержалась, чтобы не откинуть руку в сторону, потому что из ладони опять вырвался свет, озаряя мальчика.

На его лице появилась блаженная улыбка.

А на лицах остальных детей – настоящее благоговение вперемешку с шоком. Кажется, никто из них не верил в то, что я эта самая «Хозяйка». Знать бы еще, что это такое...

Мальчик поднялся с колен и смотрел на меня, как на ожившего Деда Мороза. Даже немного не по себе стало.

– Моё имя Цедрик, – ответил он, медленно приходя в себя и оглядываясь по сторонам, словно только-только понял, где находится и что вообще произошло.

– Меня зовут Рина, – сказала я, заодно представляясь всем детям.

Я думала, они сейчас все начнут падать передо мной на колени, но те продолжали ошарашенно на меня смотреть. Кроме самых маленьких. Малышки просто прижимались к своим сестрам и вроде бы даже спали.

Я заметила, что девочкам было тяжело держать их на руках, но они все равно мужественно продолжали это делать, еще и старались прятаться за спинами двух мальчишек – рыжеволосых близнецов.

– Ну что, – вздохнула я, – давайте знакомиться? Как я уже сказала раньше, моё имя Рина, а как ваши как имена?

– Ромик, – ответил один из рыжих близнецов.

– А я Дин, – ответил второй и, сдвинувшись в сторону, немного толкнул вперед маленькую девочку лет восьми с ре-

бенком на руках, – это Сатия с Флиной.

– А это Мариша с сестрой Крилой, – представил вторую девочку Ромик, также сдвигаясь немного в сторону.

– Ну вот и познакомились, – преувеличенно бодро ответила я. – Планы у нас на данный момент простые...

– Кусить, – пробормотала малышка, что сидела на руках у Мариши, которую она, видимо, устала держать и опустила на ноги.

– Тш-ш, – прошипела на неё девочка.

– Мы все кушать хотим, мам, – вдруг отозвался Алеша. – У него там в камерке должна быть еда какая-то. Нас еще не кормили сегодня.

Сын потянул меня за руку в четвертую, как я думала, камеру, но это на самом деле и не камера была, а как раз камерка охранника, труп которого лежал сейчас в моей клетушке. Это её, значит, Тодор и обыскивал, а я слишком растерялась и даже не поняла, о чем он мне говорил.

Я автоматически двинулась за сыном, подхватив с пола керосиновую лампу.

В камерке еда действительно нашлась. Правда, едой это можно было назвать с большой натяжкой. Хлеб, разделенный на десять частей, который был, видимо, приготовлен для всех узников, и вода.

Похоже, что бугай не находился толком в этой камере, потому что здесь, кроме стола, на котором и стояла кастрюля с хлебом, а также кружки с водой, ничего больше не было.

Я раздала ребятишкам по куску хлеба и сама решила подкрепиться. А то неизвестно, сколько сил мне еще понадобится.

Дети вышли из камеры и, усевшись на пол, начали есть хлеб.

Я не стала им говорить, чтобы они вернулись обратно. А то там запах был не очень приятным, да и вообще... думаю, они там насиделись уже.

У самой маленькой, видимо, еще зубов не было, и поэтому сестра размочила ей корку в воде и сунула в руку, а сама быстро съедала свой кусок, пока малышка обсасывала свой.

У меня сердце сжалось от этого зрелища.

В жизни никогда не думала, что увижу что-то подобное.

Постаралась засунуть свою жалость куда подальше. Сейчас детям не это нужно, сейчас им нужно выйти отсюда живыми и невредимыми.

А остальное всё потом.

– Думаешь, Тодор нас бросил? – вдруг тихонько прошептала Мариша, толкнув одного из близнецов в бок.

– Не мог, – ответил ей тот уверенно, – если клятву Хозяйке дал, то уже не бросит. Надо просто ждать. Тодор – касит, он их быстро всех уделает. Думаешь, зря они его в кандалах держали? Боялись они его.

– А кто такой касит? – заинтересовалась я.

– Ты не знаешь? – удивился мальчик. К сожалению, разобраться, кто из близнецов кто, я не могла. Слишком уж силь-

но они были похожи.

– Ты не слышал, что ли? – недовольно ответил второй близнец. – Не из нашего мира они оба. Алекс же говорил. А ты всё: «Брехун, брехун».

– Я думал, ему по голове треснули и он того. – И рыжик покрутил пальцем у виска. – А теперь-то понятно, что пришлые они, из богов.

– Ребята, мы не боги, – недовольно высказался Алекс, – мы просто из другого мира. Вот и всё.

– Так вы расскажете, кто такой касит? – решила сменить я странную тему, к которой пока еще сама не была готова морально.

– А, так это воины такие, – ответил мальчик. – Императорские. Особенные. Личные телохранители.

– Лучшие из лучших, – почему-то с грустью вздохнул Цедрик, который всё это время молчал. – Я мечтал когда-то в каситы попасть, да не судьба.

– Ясно, – выдохнула я, мысленно немного успокаиваясь и надеясь на то, что Тодор действительно нас не бросит и сможет одолеть всех злодеев.

Труп в моей камере не давал мне покоя, поэтому я подошла к своей решетке и закрыла её на замок. Не хватало еще ребятишкам увидеть его...

Я села рядом с сыном прямо на пол, благо тот был из досок, а спиной откинулась на решетку и начала ждать. Сын подполз ко мне поближе и прижался сбоку.

Глава 2

С другого боку подполз Цедрик, но прижиматься не стал, просто сел рядом, будто взрослый мужчина, расставив широко колени, уперевшись в них локтями, скрестил руки, а голову опустил вниз.

Чтобы не молчать, я решила спросить о самом важном:

– Расскажите мне, что означает «Белая усадьба» и кто такая Хозяйка?

– Ты и этого не знаешь? – опять первым заговорил один из рыжих близнецов.

– Ты debil, что ли? – недовольно огрызнулся Цедрик. – Не слышал, что Рина сказала? Они из другого мира, откуда им знать?

– Я думал, они специально пришли, – пожал плечами мальчик.

– Нет, – покачала я головой. – Я ничего не знаю о вашем мире, я просто за сыном пришла.

Говорить о том, что я заключила сделку с «голосом», не стала, думаю, что детям эта информация ни к чему.

– Так расскажете мне о «Белой усадьбе»?

– Белые усадьбы – это дар богов нашему миру, – ответила тихонько Мариша, сверкнув зелеными глазами.

А я подумала, что если девочку умыть, то она даст фору любой красавице из интернета на Земле.

– Но без «Хозяев» Белые усадьбы – просто обычные дома, – продолжила девочка. – Раньше вокруг «Белых усадеб» строились города, потому что рядом с «Белой усадьбой» никакие хвори никого не брали, и погода была теплая и солнечная, и урожай самый лучший, и животные хорошо плодились и не болели. Сейчас «Белая усадьба» с Хозяином в нашей стране всего одна осталась. Она в столице стоит, и то Хозяину уже почти тысяча лет, и говорят, что ему недолго осталось, а преемника он себе так и не нашел.

– Тысяча лет? – в шоке прошептал Алекс. – Он маг?

– Хозяева «Белых усадеб» всегда маги, – пожала плечами Мариша, как будто это само собой разумеющееся.

– Есть еще «Белая усадьба» в Ростаме, – добавил один из близнецов, – на востоке в каждой стране по одной, на юге и за морем – на западе. Вроде бы целых три.

– Но там Хозяева не такие, как в нашей стране, – горделиво ответил второй рыжий близнец. – В нашей – самый лучший. Только старый уже. – Он с сожалением выдохнул.

– А мы его даже видели однажды, на день благоденствия, нас отец с собой брал, и мы смогли близко подойти к «Белой усадьбе». А Хозяин всех своим светом озарял. На нас несколько лучей попало.

– А я никогда в столице не бывала, – тихонько сказала Сатия. – Мы с мамой почти у самой границы жили. У меня папа военным был, а когда его убили в баре, мама тоже совсем спилась и меня за долги продала – этим.

Она кивнула на дверь и поежилась.

– Флина твоя сестренка? – спросила я, глядя на малышку, которая сидела рядом с девочкой, тоже, как мой сын, прижимаясь к ней сбоку.

– Нет, – покачала головой Сатия. – Её тоже у кого-то купили, наверное, в другом поселке. Нас двое было, она же малая совсем и не говорит даже. А мне поручили за ней присматривать. Вот, присматриваю, – будничным голосом сказала она и потянула девочку к себе на колени.

– У вас есть закон, позволяющий продавать детей за долги? – спросила я сиплым голосом.

– Нет, Хозяин бы не разрешил! – пылко возразил Цедрик. – Это бандиты! Они деньги всяким алкашам да сволочам предлагают, а те своих детей отдают. Вон как мамаша Сатии. А потом переправляют через границу в другие страны, где рабство разрешено.

– И много у вас таких стран?

– Везде, – ответил один из близнецов. – Только в нашей Хозяин не разрешает. А если помрет, наверное, тоже разрешат, – тихо добавил он.

– А ты как сюда попал? – сглотнув очередной колющий комок, спросила я, глядя на Цедрика.

– Два года назад у нас почти вся деревня от хвори померла, а кто жив остался, мы в город подались. Мои все померли. В городе я потерялся, прибился к местным мальчишкам, вроде полегче стало. Меня сапоги чистить поставили у рын-

ка.

А я вдруг ощутила гнилые нотки в голосе мальчика. Именно гнилые, как будто тухлым запахом пахнет, только запаха не было... был, конечно, они ведь не мылись столько, но совсем не такой. С особым привкусом, что ли...

– Ага, как же! – усмехнулся один из рыжих близнецов. – Знаю я, как вы там сапоги чистите, щипачи они.

Цедрик посмотрел на рыжего с ненавистью, а на меня с ужасом и начал пылко говорить:

– Хозяйка, я клянусь, что больше без твоего разрешения ни одного медяка не украду! Ни одной вещи не возьму! Только если ты мне не прикажешь! Клянусь, Хозяйка! Только не прогоняй меня!

– Эй-эй, успокойся, Цедрик. Я никого никуда прогонять не собираюсь. Ты чего?

И кажется, до меня дошло, что за «гнилые нотки» я почувствовала, когда мальчик рассказывал про свою жизнь. Чтобы проверить свою теорию, повернулась к сыну и попросила его:

– Алекс, скажи, что тебя зову Андрей.

– Что? Зачем? – не понял ребенок.

– Так надо, пожалуйста, – попросила я его.

– Ну ладно, меня зовут Андрей, – пожал плечами сын.

И я опять ощутила эти «гнилые нотки», но не такие сильные, как от Цедрика, а еле слышные. Будто сын совершенно не хотел меня обманывать, а вот Цедрик, видимо, хотел, вот

и ощущения были другими.

А один из рыжиков весело сообщил всем вокруг:

– Хозяйку обмануть нельзя, она ложь чует за версту, так что прокололся ты, Цедрик. Не советую больше языком болтать.

– Да пошел ты! Я не буду больше врать! Я же поклялся служить Хозяйке! – зло ответил мальчик, сжав кулаки и всем своим видом обещая устроить рыжему близнецу взбучку.

– А вы, мальчики, как сюда попали? – решила сменить я тему и посмотрела на близнецов, чтобы мальчишки прямо тут не устроили потасовку.

– Нас дядька продал, – зло сплюнул второй близнец, который до этого молчал.

И больше ни один из мальчишек не произнес ни слова.

– А родители? – решила попробовать я узнать побольше информации о детях.

– Нету, померли, – ответил второй мальчик.

И всё.

Понятно. Видимо, не хотят вспоминать.

Я повернулась и посмотрела на старшую девочку – Маришу.

Крила сидела рядом и теребила в руках какую-то вещь, похожую на самодельную куклу.

– А вы как сюда попали? – спросила я у девочки.

– Так у нас, как и у Цедрика, морянка прошла, полдеревни выкосило, моих тоже, – спокойно ответила девочка. – Мы с

Крилой не у дел остались. Когда работоторговцы приехали, нас сразу же им и продали.

– Что за морянка такая? – спросила я, стараясь не думать о том, что случилось с девочками.

– Так это в дальних деревнях завсегда такое случается, – пожал плечами Цедрик. – Чем дальше от «Белой усадьбы», тем сильнее морянка. Болезни всякие. Их морянками все и называют.

– Понятно, а что, врачей нет? Почему не вылечили?

– Врачей – это кто? – удивился Цедрик.

– Целители, – попробовала я другое слово.

– Так Хозяин не может далеко лечить, его сила только на столицу и несколько городов и сёл вокруг доходит, а больше нету. Многие, кто поближе живет, ездит на День Благодарения, там в столице можно немного подлечиться, а тем, кто дальше живет, дорого... Вот от морянки и мрут.

– Почему не может? – удивилась я.

– Не знаю. – Цедрик пожал плечами. – Так завсегда было. Кто близко, тот и лечился.

– А дети? Разве нет детских домов? Почему вы на улице оказались? – спросила я, в шоке смотря на ребяташек. – Я ничего не понимаю.

– Хозяин, говорят, организовал несколько приютов в больших городах, – ответил Цедрик. – Мне уличные пацаны говорили, что там кормят хорошо, но скучно. Учиться заставляют и на улицу не пускают. Я и не пошел туда. Теперь

жалею – может, лучше бы там жил.

– А вас родня почему в приют не отдала? – спросила я, глядя на Маришу.

– Так работорговцы деньги живые за нас предложили, а если в приют бы нас отдали, то наша земля и дом потом нам бы и вернулись как приданое, когда мы бы подросли. А тет-ка с мамкой никогда не ладила. Да завидовала. У нас папка рукастый был, не пил, дом хороший построил, хозяйство... Да мамку жалел. Нас всего двое было. А у тетки детей один-надцать, муж никчемный. Да я сама виновата, – она вздохнула, рассуждая, словно взрослый человек. – Мамка перед смертью говорила мне, чтобы я Крилу взяла да в город шла. А я побоялась. Вот и оказалась тут.

Она понуро опустила голову, смотря на сестренку.

И в этот момент я услышала громкий грохот у входной двери в подвал, будто кто-то попытался её выломать.

Все дети вздрогнули, и я в том числе.

Но грохот повторился, а следом еще и еще.

Ребятишки сгрудились в кучку, прижимаясь ближе ко мне.

Я застыла, не зная, что делать.

Если там такой же бугай пытается дверь сломать? Как я драться с ним буду?

Но надо брать себя в руки, грохот опять повторился.

Я повернулась и скомандовала детям:

– Быстро все в камеру!

Ребятишки, не стали долго думать и шмыгнули обратно в свою камеру, только Алекс остался стоять, цепляясь за мою руку.

– Сынок, – строго посмотрела я на ребенка, – давай тоже в камеру иди!

– Мы могли бы на него напасть все вместе! – горячо зашептал сын. – Ты одна не справишься.

– Если там один бугай, то да, – кивнула я. – А если их там много? Не стоит зря рисковать. Сделаем вид, что вы все за решёткой, а если ситуация выйдет из-под контроля, тогда будем все вместе отбиваться, ладно? Пусть думает, что вы закрыты.

– Ладно, – угрюмо пробормотал сын и тоже зашел обратно в камеру, закрывая за собой решетку.

Я кивнула Алексу и пошла к двери спрашивать, кто там пытается её взломать.

Хотя понимала, что затея не очень умная. Может, подождать с детьми внутри их камеры, а когда кто-то из работников появится, резко выбежать и его завалить?

Пока я размышляла, грохот повторился, но на этот раз я услышала знакомый голос:

– Хозяйка! Открывай! Это я – Тодор!

Я подошла ближе и прислушалась.

– Тодор, – тихо спросила я. – А что за грохот был?

– Да это я этих уродов скидываю с лестницы, чтобы волоком не тащить, они в дверь врезаются, – веселым голосом

сообщил мужчина.

А я мысленно выдохнула, вставила ключ в дверь, легко его повернула и открыла на вид тяжелую дверь довольно легко.

На пороге и правда стоял Тодор. Только лицо своё он скрыл под тряпкой, оставив одни глаза, словно ниндзя.

У порога сидели у стен с одной и другой стороны связанные по рукам и ногам такие же бугаи, как тот, что валялся мертвым в моей камере. Только во рту у них еще и кляпы были.

Я насчитала семерых человек. Все они были в крови, но живы. И, судя по злым взглядам, вполне себе здоровы, без смертельных ранений. Да и видно было, что ссадины поверхностные.

– Это все? – спросила я Тодора.

– Почти, – кивнул он, – двоих пришлось насмерть прибить, ты же сказала, что если самозащита, то можно?

Мужчина посмотрел на меня чуть ли не с вызовом.

А я кивнула.

– Да, конечно, всё верно.

Тодор с шумом выдохнул, будто ждал, что я сейчас буду на него ругаться.

– Убить этих тварей надо, – процедил Цедрик.

Я обернулась и увидела, что ребятишки все вышли из камеры и стояли за моей спиной, сверкая злыми глазенками.

Понять детей я могла. Может, тоже так же думала бы, как они, просиди я тут месяц... но допускать расправу нельзя.

Тем более когда все бандиты и так схвачены.

– Надо сдать их властям, – строго сказала я и внимательно посмотрела на Тодора. – Можно как-то связаться с местными правоохранительными органами?

– С кем? – не понял мужчина и уставился на меня с удивлением.

– Ну, с теми, кто представляет здесь закон или власть, – не очень уверенно перефразировала я свой вопрос.

– До ближайшего селения тут где-то полтора дня пути, можно будет там поспрашивать, – задумчиво ответил Тодор.

– Сколько? – удивилась я.

– Полтора дня, если лошади хорошие и быстрые, – ответил уверенно он. – Кажется, эта местность, если мне не изменяет память, принадлежит барону Берату. Полагаю, он тут и представляет власть и закон.

– И что же тогда делать? – растерянno посмотрела я на лежащих у наших ног бандитов.

– Я кусить хочу, – услышала я знакомый шепот маленькой Крылы.

И этот шепот заставил меня думать уже гораздо быстрее.

– Значит, так! Работоторговцев временно запрем в камерах, а детей надо срочно накормить, помыть и спать уложить, – постановила я.

– Без проблем, – пожал плечами наш взрослый защитник и ткнул пальцем в лестницу, что вела вверх. – Женщины – на кухню. Она находится на первом этаже, как подниметесь

из подвала, сразу повернете налево. Эти, — он легонько пнул одного из пленных ногой, — как раз обедать собирались — думаю, по запаху найдете. А мальчишки пусть помогут мне с работорговцами. И, Рина, дай ключ от камер, запрем их, чтобы не убежали.

Я посмотрела на своего сына и уже хотела сказать, чтобы он следовал за мной, но Алекс деловито подтолкнул меня вперед, буркнув: «Мама, идите, мы тут разберемся», и первым приблизился к немного отошедшему с нашего пути Тодору.

— Командуйте, что делать надо, — сказал мой сын, а за ним вышли Цедрик и близнецы, тоже немного подтолкнув меня и заставив пройти дальше по проходу на лестницу, ведущую вверх.

Короче, когда я оказалась в большом и светлом коридоре и посмотрела на двух взрослых и двух маленьких девочек, смотрящих на меня во все глаза и ожидающих дальнейших команд, то поняла, что стоит поторопиться.

На самом деле коридор только изначально показался светлым, потому что мы пришли из темноты. А когда глаза немного привыкли, то я поняла, что коридор давно уже совсем не светлый. Хотя думаю, что когда-то таким был. Все стены обшарпаны, на полу грязь. Кое-где прогнившие доски, сломанные плинтуса. Грязь... и спокойно гуляют мыши, чуть ли не в обнимку с тараканами.

Даже страшно подумать, как тут люди вообще жили?

Это же заброшенный дом!

Мы дошли с девочками до кухни, и я увидела помещение – где-то двенадцать квадратов примерно, с большим деревянным столом посередине, человек на двенадцать или даже больше.

У стен по бокам была различная кухонная утварь. В том числе и несколько печей. Наверное, раньше тут готовили для большого количества людей, используя разные поверхности, этот добротный стол в том числе.

Но ощущение было такое, что тут был пожар: все стены прокопчённые, в саже, жуткая антисанитария.

Про насекомых, ползающих по полу и по всем поверхностям, я уж молчу.

Посреди стола стоял большой чугунный казан, тоже весь черный, накрытый крышкой. А оттуда доносился запах еды и даже шел пар. Рядом с казаном были чашка с нарезанным хлебом, большой кувшин, тоже закрытый, стопка тарелок, стаканы, ложки.

Бандиты и правда собирались обедать.

Я посмотрела на пол и среди грязи заметила кровь...

Девочки заворуженно уставились на казан, из которого доносился запах еды, но с места не двигались, поглядывая на меня и, наверное, ожидая моего разрешения.

Я внимательно осмотрела кухню и нашла раковину с обычным краном.

Первым делом подошла к ней и попыталась понять, как

работает кран.

Он открывался самой обычной задвижкой.

Регулировать воду было невозможно, она либо текла большим напором, либо полностью перекрывалась.

Рядом с раковиной лежала какая-то тряпка землистого цвета. Удивительно, но она мылилась. Вода из крана лилась холодная, но чистая. Рядом было еще четыре раковины, но в кранах воды не было.

Я повернулась и скомандовала:

– Сначала всем мыть руки, потом будем есть.

Девочки покивали и без возражений поплелись к раковине.

Я подошла к казану и пересчитала тарелки. Их было десять. Так же, как и нас. Надо же, какое странное совпадение...

Тарелки на вид вроде бы были чистыми, но я все равно решила их немного ополоснуть.

Девочки уже закончили мыть руки и застыли возле раковины, опять ожидая моих команд.

– Все садитесь за стол, сейчас тарелки проверю, и будем есть, – сказала я девочками, и они сразу же потянулись к столу.

Флина шла следом за Сатией, крепко держась за подол её платья, Мариша тоже уже устала и опустила свою сестру на пол.

Девчонки сели за стол, но маленькие явно не дотягива-

лись.

Да и не уверена я, что они ложки смогут нормально в руках держать...

– Сатия, Мариша, – окликнула я старших девочек, – возьмите маленьких к себе на колени, временно. Потом что-нибудь придумаем. И помогите их покормить. Хорошо?

Девочки без разговоров опять выполнили мои указания.

С одной стороны, это здорово, что тебя слушаются и не перечат, а с другой – непривычно. Обычно дети любят покапризничать, а девочки как роботы...

Я мысленно поежилась, не представляя, что малышки пережили за этот месяц, если слушаются меня без каких-либо пререканий.

Быстро ополоснув всю посуду (и ложки тоже), я пошла изучать содержимое казана.

Оказалось, что в нем находится что-то вроде плова. Но больше просто похоже на кашу с мясом и вроде бы с какими-то овощами.

Я посмотрела на чумазых девочек, которые лица так и не умыли, а видимо, только руки, и подумала о том, сколько они могли не есть нормальной пищи.

Значит, много им давать ни в коем случае нельзя.

Положила по чуть-чуть в четыре тарелки. Старшим девочкам больше, маленьким совсем немного.

Тодору и себе хорошие порции, а мальчикам поменьше.

Не уверена, что им тоже сейчас можно много есть. Пусть

часа три потерпят, потом еще поедят.

Казан кое-как подняла, он оказался жутко тяжелым, и унесла, поставив рядом с плитой на стол. От вида плиты я содрогнулась. Похоже, её не чистили несколько лет.

Еще обратила внимание, что печка явно была на дровах, и неизвестно есть ли тут электричество... И от печи шел жар. Она топилась.

В кувшине обнаружился перебродивший морс.

Детям подобную гадость я уж точно давать не буду.

Да и сама не стала бы пить, мне сейчас нужна ясная голова. И Тодору, думаю, ни к чему. Но выливать в раковину не стала. Вдруг пригодится...

Но где взять питьевую воду? Не из крана же... Она сырая, надо кипятить...

Унесла кувшин и поставила его рядом с казаном, там же обнаружила железный чайник, а внутри обычную теплую воду. Вода оказалась чистой.

Возможно, они кипятили её для посуды... По крайней мере, заварки или чая я не нашла.

Я разлила воду по кружкам.

– Можете начинать есть, – кивнула я девочкам, которые опять продолжали ждать моей команды.

Старшие сразу же заработали ложками, а самая маленькая – Флина – явно не умела это делать и полезла в чашку рукой.

Я решительно забрала девочку себе на руки и начала кормить её с ложки. Крила вроде бы более-менее справлялась

сама, я посматривала в её сторону.

Старшие девчонки смели свою еду из тарелок за несколько минут и с тоской посмотрели на казан.

– Так много сразу нельзя, – сказала я им. – Иначе живот заболит.

Девочки промолчали, никак не отреагировав на мои слова.

Покормив Крилу, я поела и сама, почти не чувствуя вкуса еды, запив всё водой и молясь, чтобы она была не грязной и действительно кипяченой. Но чайник внутри выглядел чистым, как и сама вода.

Было бы странно, если бы они её просто погрели...

Ну, я на это очень надеюсь.

В кухню ввалились мальчишки и Тодор.

Заметив голодный блеск в их глазах, я строгим голосом скомандовала:

– Всем мыть руки, только потом за стол!

– Это приказ? – хмыкнул Тодор вроде бы веселым тоном, но глаза его смотрели на меня серьезно.

– Нет, – удивленно ответила я. – Рекомендация.

– Мама плохого не посоветует, – невольно заступился за меня сын и первым отправился к раковине.

Глава 3

Помыв руки холодной водой, мужчины сели за стол.

Тодор убрал тряпку со своего лица, и я заметила, насколько сильные у него были ожоги. И как он без глаз не остался... даже удивительно. Да и нос был в полном порядке.

Такое ощущение, будто кто-то специально жег лицо мужчины каким-то предметом...

Боже... сколько же боли он испытал при этом? Страшно даже подумать...

Я рассеянно огляделась по сторонам. Находиться в доме было неприятно. Такое чувство, что он вот-вот развалится. Обшарпанные стены, пол в ужасном состоянии. Хоть мыши с насекомыми куда-то разбежались – видимо, постеснялись такого большого количества людей.

– У работоторговцев дела шли неважно? – спросила я вслух, ни к кому толком не обращаясь. – Почему они дом не ремонтировали? Или он был заброшен, а они его заняли противозаконно?

– Нет, они бы не смогли войти без наследника, – ответил Тодор, – среди них был тот, кому дом принадлежал по крови. Потомок бывшего Хозяина. Но дом пришел в упадок, потому что не желал, чтобы он тут жил. Они бы не смогли его отремонтировать. Все, что ни пытались бы сделать, просто сгнивало. Белые усадьбы чувствуют темную энергию тех, кто

тут живет, и пытаются всеми силами прогнать. Я видел одну усадьбу, которая даже полностью выгорела, чтобы выгнать неугодного Хозяина. Думаю, что и эта загорелась бы, если бы не пленники. Скорее всего, нынешний хозяин это понял, вот и удумал тут людей держать. К тому же по закону запрещено на территорию Белой усадьбы входить без разрешения Хозяина, и её бы никто не посмел проверять.

– Значит, Хозяин дома – это работорговец? – ахнула я.

– Теперь Хозяйка ты, – ответил Тодор.

– А где тогда хозяин?

– Он валяется в твоей бывшей камере, – спокойно ответил мужчина.

– Хочешь сказать, что я его... – договорить я не смогла, у меня перехватило дыхание.

– Да, – кивнул Тодор. – Дом тебя принял, опознав в тебе Хозяйку, и дал силы справиться с ненужным наследником. Иначе у тебя не получилось бы его убить.

– Ты говоришь так, будто этот дом живой, – сказала я, глядя мужчине в глаза.

– Так и есть, – кивнул он. – В каком-то смысле эти дома живые. Они дают силы своим Хозяевам, но только светлые. Если в Хозяине есть тьма, то силы дом не даст ни капли. Хозяева могут как карать по справедливости, так и лечить своей силой. Ты покарала его совершенно справедливо. Туда ему и дорога.

– Моя мама всегда была хорошей и очень доброй, – гор-

деливо сказал Алекс. – Справедливо, что дом принял её как Хозяйку. И хорошо, что ты этого подонка убила! Он был самый жестокий из всех.

– Убийство в любом случае не выход, – сказала я, печально вздыхая. – Но спасибо за поддержку.

Флина, так и сидящая на моих руках, шумно засопела.

Я посмотрела на неё и увидела, что девочка просто спит.

Перевела взгляд на других детей и поняла, что все они клюют носами. Вон Крила тоже уже уснула, пригревшись на руках у Мариши.

– Значит, так. Надо помыть детей и найти им чистую одежду, – сказала я и посмотрела на Тодора. – Как думаешь, тут есть ванная комната?

– Есть, – кивнул Тодор, – я видел в трех комнатах на втором этаже ванны. Но не уверен, что там будет горячая вода. Скорее всего, придется греть.

– Ну хотя бы есть. Уже хорошо, – криво улыбнулась я, – а греть воду сейчас поставим. Если найдем в чем.

– Нет, там есть ружки, их достаточно затопить, лишь бы вода из крана лилась. Но здесь, на кухне, вроде льется, значит, и там должна быть, – немного успокоил меня мужчина.

– Тогда покажешь нам? – начала я медленно вставать вместе с ребенком на руках и с сомнением посмотрела на Маришу.

Но та вроде бы справилась и тоже спокойно поднялась, беря на руки сонную сестру.

Просить Тодора забрать ребенка я не стала: вдруг нам его руки защитника понадобятся, как и взрослых мальчишек? Они в любом случае сильнее девочек.

Тодор повел нас по коридору и доставил в огромный пу-
стующий холл с широкой лестницей, ведущей на второй
этаж, и большими тяжелыми дверями, через которые мож-
но было выйти на улицу. Еще одни двери были напротив ко-
ридора, из которого мы вышли, тоже двухстворчатые и вы-
сокие, как и уличные, но не такие тяжелые. Они были поче-
му-то заколочены досками.

Наверное, раньше тут встречали гостей и, возможно, да-
же стояла какая-нибудь мебель. Но сейчас это было просто
пустое и грязное помещение с прогнившим полом и обшар-
панными стенами.

Мне очень сильно захотелось побывать на воздухе, что-
бы не дышать этой пылью и грязью, но, заметив сонные и
уставшие мордашки детей, я решила, что это подождет, еще
успею... Да и сильно я сомневалась, что смогу найти детям
ночлег вне этого дома. Тодор ведь сказал, что до ближайшей
деревеньки полтора дня ехать.

Не на улице же спать.

Мы поднялись по лестнице, и я заметила, что она ведет
еще и на третий этаж, а Тодор остановился и задумчиво по-
смотрел на большую дверь, которой заканчивалась лестница.

– Что-то не так? – тихо спросила я.

– Третьего этажа не было, – сказал мужчина. – Эта лест-

ница появилась только сейчас. Клянусь.

– И что будем делать? – тихо спросила я, чтобы не будить малышку, сопящую у меня на руках.

– Первым делом проверим, что там, – ответил с небольшой заминкой Тодор. – Я быстро, ждите меня тут, никуда не ходите.

Мужчина открыл дверь тем самым ключом, который еще в подвале забрал, и шмыгнул внутрь, закрыв её за собой.

– Интересно, что там такое? – тихонько спросил, ни к кому не обращаясь, Алекс.

– Зря один пошел, мог бы меня с собой взять, – недовольно пробормотал Цедрик.

– Чтобы запнуться, когда под ногами будешь мешаться? – весело хмыкнул один из близнецов.

– В отличие от тебя, хотя бы не болтаю языком, – ответил Цедрик.

– Ой-ой, какие мы нежные, – пробурчал рыжий.

– Мальчики, расскажите, вы бандитов развязали, когда в камеры сажали? – решила переключить я мальчишек на другую тему, пока они не подрались, а то глазами друг на друга так и сверкают.

– Вот еще, пусть так сидят, – ответил за всех Алекс.

– Как так? – опешила я. – У них же руки и ноги затекут! Это же опасно.

– Тодор в кандалах несколько месяцев сидел, – вдруг вмешалась в разговор Мариша.

Я застыла на несколько мгновений, думая о том, как быстро он пришел в себя... Разве такое возможно? Несколько месяцев в кандалах – и сейчас бегаёт и прыгает как сайгак, да ещё и нескольких сытых бугаев смог на лопатки уложить?

– Одно дело – кандалы, – решила объяснить я детям мои «переживания» за работоторговцев, – и совсем другое – веревки. В кандалах у Тодора не были пережаты артерии, и конечностей он бы не лишился. А веревки это делают. Если человеку перетянуть, например, руку или просто палец веревкой и так оставить на долгое время, то он легко может её лишиться.

– Ну и пусть, – пожала плечами девочка, смотря вперед без каких-либо эмоций.

Такое ощущение, что выгорели они у неё все.

Я инстинктивно поежилась.

Непривычно, когда ребенок так смотрит. Как взрослый, давно потерявший надежду и любые иллюзии.

Даже в больнице дети и то старались верить в лучшее и могли улыбаться, радоваться мелочам, хотя все были на пороге смерти.

А Мариша...

– Так нельзя, – сказала я хриплым голосом.

– Почему? – посмотрела она на меня исподлобья. – Они издевались над нами столько времени... почему мы не можем им отомстить?

Я растерялась, не зная, что сказать.

Но затем уверенно начала объяснять:

– По закону так делать запрещено. Это называется расправа. Должен быть суд. Человек должен ответить перед законом за содеянное. Вы выступите как свидетели. Расскажите в подробностях, что они делали. И когда суд решит, что они виноваты, то к ним будет применено наказание, положенное по закону.

– У нас как-то мимо села проезжал лордик заезжий, – начал Цедрик, с презрением выделив слово «лордик». – Ришка, соседская девка, на выданье была. Первая красавица на деревне, с вот такой косой. – Мальчик показал руками толщину косы девушки, растопырив пальцы и соединив их между собой. – Она гусей пасла, вышла на окраину. Лорд её прихватил и насильничал. Ещё и намучил. Всю ножом порезал, и лицо тоже. Её еле живой нашли на следующий день. Батяка её Васильич поехал к барону нашему пожаловался. Лордик к нему в гости ехал. А тот Васильича приказал плетью наградить за то, что он посмел на благородного наговаривать. Отца Ришки забили до смерти. Ришка померла в горячке, так в себя и не пришла.

– Вот и весь суд, – невесело хмыкнул один из близнецов.

– И с этими так же будет, – кивнул второй, самый молчаливый близнец. – Хозяин-то бывший из благородных был. Небось с бароном тутошным в друзьях. И подельники его тоже... Ножом их всех по горлу да закопать. А ты новая Хозяйка, тебя никто не тронет.

Мальчик посмотрел на меня, как заправский уголовник. И я опять поежилась от его холодного и колючего взгляда. Господи... они же дети совсем.

Внутри всё перевернулось от обиды за этих совсем еще маленьких, но таких уже взрослых детей.

В моём мире дети-подростки в «Тик-Токе» сидят да глупости всякие смотрят, ни о чем не думают, а эти уже предлагают людей убить, чтобы избавиться от свидетелей.

– Там всё в порядке, – избавил меня от ответа Тодор, появившийся из-за двери. – Усадьба тебя встречает. Покои приготовила чистые, и даже вода горячая в кранах есть.

– Отлично, – выдохнула я, – тогда идем?

– Прошу, – сказал Тодор, открывая дверь и пропуская меня первой вперед.

Когда я вошла в коридор, то застыла бы на пороге, если бы не ребятишки, которые топтались за моей спиной и невольно подтолкнули меня.

Этот этаж, мягко говоря, в корне отличался от первого и второго. Хотя на втором я еще и не была, но уже успела заметить, в каком плачевном состоянии он находится, когда шла мимо открытой двери.

Здесь же как будто кто-то вчера закончил косметический ремонт. Разве что свежей краской не пахло.

Светлые стены, светлый пол, идеально белый потолок. Светильники, развешанные по стенам.

И комнаты в разные стороны.

– Думаю, что те покои для Хозяйки, – сказал Тодор, указывая рукой на комнату с высокими двустворчатыми дверями в конце коридора. – Я заходил туда. Там есть гостиная для приема гостей и будуар. А еще ванная. И горяча вода есть, я решил немного похозяйничать и включить воду, чтобы наполнить ванну.

Я оглянулась на мужчину и кивнула с благодарностью.

– Тут десять комнат, – продолжил Тодор. – На всех хватит. И еще я заглянул в гардеробные и заметил детскую одежду как для девочек, так и для мальчиков. В вашу гардеробную тоже заглядывал, там полно женской одежды. Усадьба вас признала и встречает.

– И нас встречает? – прошептала с удивлением Мариша.

– И нас тоже, – кивнул Тодор, – одежда на всех есть. И комнаты тоже для каждого из нас подготовлены.

Я сглотнула.

Стало немного страшно.

Раньше я не думала, что дом живой. В том смысле, что мысленно соглашалась с этой теорией, но, когда начинают говорить о фактах... мне, человеку из технического мира, очень сложно воспринимать подобные вещи.

Такое ощущение, что я попала в очень серьезный розыгрыш. Ну бывает же такое? Я видела в интернете, как разыгрывают разных людей. Даже декорации довольно дорогостоящие придумывают... Но здесь что-то для меня одной слишком уж дорогой розыгрыш. Я ведь совершенно никто...

Вперед выбежал Алекс и открыл дверь в комнату рядом с «хозяйской».

– О! Это же как моя комната! – громко крикнул он. – Мама, посмотри, скорее!

Я пошла вперед быстрее и, заглянув в комнату, с шумом выдохнула.

Эта комната была точь-в-точь как у моего сына. Те же его любимые игрушки стояли на столе. Только компьютера не было. На столе лежали тетради и книги.

– А эта на мою чем-то похожа, – сказал один из близнецов, подойдя к следующей комнате. – Только у нас с Динем одна на двоих была. А тут одна кровать.

– Здесь так же всё, – тихо ответил Дин, открыв следующую дверь.

Кажется, теперь я поняла, кто из близнецов кто. Дин – более тихий, а Ромик более громкий.

Цедрик пожал плечами и открыл пятую дверь.

– А эта тогда моя будет, – хмыкнул он и добавил недовольно себе под нос: – Надо же, комнаты у них свои были. Благородные, что ли?

Девочки растерянно застыли возле меня, не решаясь пойти и посмотреть следующие комнаты.

– Я в этой остановлюсь, – сказал Тодор, указывая на комнату, что была рядом с «хозяйской», только с другой стороны. – Там мужская одежда есть, – добавил он.

– Хорошо, – рассеянно кивнула я.

– А вы пока девчонок умойте, – сказал мужчина. – И мы тоже себя в порядок приведем. Тут ванны во всех комнатах есть, вода тоже есть.

– Мама, тут душ есть! – радостно скакал по комнате мой сын. – И одежда есть!

Он открыл шкаф и показал мне целый ворох вещей, аккуратно развешенных на плечиках и разложенных по полкам.

– И полотенце есть! – добавил он и, посмотрев на меня, сказал: – Всё, я мыться!

Мой ребенок хлопнул дверью и удалился в ванную. Он с четырех лет у меня сам с этой проблемой справляется, только когда болел, не мог мыться, сил не было, а сейчас я и не подумала бы идти ему помогать. Он уже был слишком взрослым.

Остальные мальчишки тоже удалились в свои комнаты, закрывая за собой двери и даже замыкаясь, судя по щелчкам.

Надеюсь, справятся, подростки же уже, как-никак.

Я обернулась к девочкам и, помня о том, как правильно разговаривать с детьми, скомандовала:

– Так, все мыться идем ко мне, я вам помогу.

Я думала, что Мариша возмутится, но девочка настолько ошалела от происходящего, что безропотно потопала в хозяйские покои, затем в будуар и в ванную комнату.

Я в шоке уставилась на самое настоящее джакузи.

Здесь и такое есть?

Вода уже полностью набралась, и я еле успела перекрыть

кран, чтобы она не полилась на пол.

Я повернулась к девочкам и опять скомандовала:

– Так, одежду бросаем на пол и залезаем в ванну, малышек тоже раздеваем, я вам их подам, будете держать на руках.

Мариша с Сатией кивнули и начали скидывать свои грязные тряпки на пол.

А я в ужасе уставилась на их худющие тела. Кое-как сдержала подступившие к горлу слезы.

Маленьким тоже помогли раздеться, и девчонки залезли в ванну, а крошек взяли к себе на руки.

– Сидим, греемся, отмокаем, я вынесу грязную одежду, – постановила я, стараясь не думать о том, как сильно их заморили голодом.

Развернувшись, увидела еще и душевую кабинку, прямо как у меня дома. Отлично. В ней буду мыться я.

Все вещи я временно выбросила в общий коридор.

Они были настолько грязные, что их не стирать надо, а сжечь. И обувь тоже. Правда, то, что у девочек было надето на ноги, и обувью-то можно было назвать с большой натяжкой.

Затем вернулась в ванную, где тихо сидели девочки, и, заглянув в шкаф, стоящий рядом с джакузи, нашла полотенца, халат для себя и мыльно-рыльные принадлежности.

– Так, это шампунь и мыло, – поставила я на борт джакузи два бутыля, открыла их и выдала девочкам две мочалки. –

Сначала моем малышей, потом сами. Задача ясна? – спросила я и строго посмотрела на девочек.

По опыту знаю, что для них сейчас будет важно, если я буду раздавать команды, а не межеваться и сюсюкать. Так они будут чувствовать мою внутреннюю силу и уверенность и подпитываться ею.

А если я сейчас сяду и начну рыдать рядом с ними, то девочкам станет только хуже.

Я здесь самая взрослая, значит, я должна ею быть...

Как бы тяжело мне сейчас ни было.

Как я и предполагала, Мариша с Сатией без возражений начали мыть своих сестер.

Я убедилась, что девочки умеют обращаться с банными принадлежностями и не филонят, и сама пошла в душ.

Хотелось скорее помыться, хотя моё тело и волосы не были настолько грязными, как у детей, все же моя предшественница оказалась в темнице всего пару дней назад и до этого, видимо, следила за собой.

Скинув вещи и нижнее белье в виде странных панталончиков и обычной сорочки вместо бюстгальтера, я залезла под горячий душ.

Расплела длинные густые волосы, которые оказались совершенно белыми, и поняла, что внезапно стала блондинкой. И даже между ног. В зеркало смотреться не было времени. А в ванной оно было, только у раковины. Но я к ней еще не успела подойти.

Хмыкнув, я промыла волосы от шампуня и сама вся помылась. Вытерлась полотенцем, волосы завернула в полотенце – потом посушу – и надела халат.

Девочки продолжали мыть малышей. Я подошла ближе, чтобы понять, почему они так долго взяты, и поняла, что дело стало за волосами. Промыть их было очень сложно.

У Флины еще не сильно длинные волосы были, а вот у Крылы уже приличные.

– Придется состригать, – резюмировала я.

А Мариша вдруг с ужасом схватилась за свою косу, за ней последовала и Сатия.

По лицам девочек полились крупные слезы, а губы задрожали.

Они впервые проявили эмоции. Я даже опешила от удивления. Смерти людей их не испугали, а из-за волос расплакались... Или, может, они отходят понемногу?

– Я вообще-то про Флину с Крылой, – осторожно уточнила я. – Вас еще посмотреть надо.

– Нам тоже придется, – всхлипнула Сатия. – У нас вши завелись... Так не промыть, я знаю. Моя подруга как-то вшей подхватила, её мама налысо стригла. Потом все долго над ней потешались... Но нам еще мало лет было... нестрашно...

– Нельзя нам волосы состригать, – посмотрела умоляюще на меня Мариша. – Мы же от такого позора никогда не отмоемся.

– Вы же маленькие еще, – в шоке уставилась я на девчо-

нок.

– Криле с Флиной – ладно, а нам уже нельзя, – покачала головой Мариша.

Я уже хотела возмутиться, мол, чего это они вдруг удумали, что еще за нравы такие, но затем вспомнила, что мир не мой и мало ли тут какие правила. А в чужой монастырь со своими правилами нельзя. И поняла, что проблему придется решать иначе.

– Ладно, – нахмурилась я. – Будем выводить вашу живность другими методами.

«Интересно, а вдруг тут есть шампунь от вшей?» – возникла мысль в моей голове, и я пошла шариться в шкафу, где нашла мыльно-рыльные принадлежности и – о чудо... или не чудо, а очередной дар от дома – обнаружила то, что искала.

Шампунь стоял на видном месте, а на нем была инструкция:

«Нанести на волосы у корней и не смывать пятнадцать минут».

– Кажется, выход есть, – обрадовала я девочек, повернувшись к ним и покрутив бутылку с шампунем в руке.

В ответ увидела такие благодарные взгляды, что даже немного неловко стало.

Все же это не я, а усадьба.

– Спасибо, Хозяйка, – горячо поблагодарила меня Мариша.

– Это не мне спасибо, а дому, наверное, – смущенно про-

бормотала я, нанося шампунь на головы всем девочкам.

– Нет, – покачала головой Мариша. – Это всё твоя магия. А дом тебе помогает магичить.

– Серьезно? – удивилась я.

– Мне мама рассказывала, – смущенно ответила девочка. – А ей рассказывала её мама.

– А откуда они узнали?

– Моя прабабка работала в таком доме, – еще тише ответила девочка, как будто ожидая от меня чего-то плохого.

– Ну так это же здорово. Ты, наверное, много чего знаешь? – преувеличенно бодро спросила я. Даже эта информация была необходима для меня как воздух.

– Не много, – пожала та плечами, но голову подняла и расслабилась, – так, по мелочи...

– Потом обязательно мне расскажешь, я же ничего в этом не понимаю, – доверительным тоном сказала я, а девочка посмотрела на меня с ужасом.

– Я же почти ничего не знаю.

– Поверь, даже те крохи, что ты знаешь, для меня будут важны, – успокоила я её.

Намылив головы девочкам, я пошла искать для них одежду.

А по пути постучалась в двери к мальчикам и громко крикнула, чтобы они выбросили свою грязную одежду в коридор.

Потом её заберу.

Не знаю, слышали ли они меня, надеюсь, что да. Если что, потом разберемся.

Следующие комнаты были оформлены для маленьких принцесс. Даже кровати маленькие. И всё в розовом стиле.

Две для малышей, одна для девочки постарше – с картинками на обоях и мебели, явно для Сатии – и последняя, в более строгих тонах, для подростка – Мариши.

Я нашла теплые уютные пижамы на все размеры и удобные халаты с тапочками.

Когда заходила в комнаты, то заметила, что на улице уже поздний вечер.

Вернувшись в ванную, я помогла сначала маленьким девочкам смыть пену, взрослых пока оставила. У них волос больше, пусть подольше посидят.

Малышек одела в розовые с мишками пижамки, халатики с тапочками и, взяв их за руки, повела в комнаты.

Обе девочки зевали и практически на ходу засыпали.

Поэтому пришлось подхватить их на руки и разнести по комнатам.

Кровати были удобными, как раз для таких маленьких. Можно было одну из стенок чуть-чуть приподнять, чтобы во сне девочки не упали.

В итоге, когда я укладывала их в постель, малышки уже вовсю спали и даже не поняли, куда я их внесла.

В комнатах были светильники, я не стала их выключать. Если девочки проснутся, не так сильно испугаются, я наде-

юсь.

Потом вернулась уже за взрослыми.

Помогла им промыть волосы и выдала пижамы с халатами.

– Это как у мальчиков? – с удивлением спросила Мариша.

– Нет, почему? Это для девочек, – пожала я плечами. – Розовые же.

Мариша молча кивнула, но я заметила хмурое выражение на её лице. Видимо, одежда для неё непривычная. Может, в этом мире девочкам не разрешено в штанах ходить?

Сатия оделась без разговоров. Видно было, что ребенок очень сильно устал от новых впечатлений. Да и голодом их морили сколько времени, у них и сил совсем немного.

Девчонок я тоже проводила до их комнат. Сначала смачно зевающую Сатию (ей тоже светильник оставила включённым), потом уже Маришу.

Как только Мариша закрыла за собой дверь, я отправилась к себе в комнату, чувствуя сильную усталость.

Кое-как добралась до своей спальни, подумала, что надо бы постельное посмотреть, а еще надо бы Тодора попросить, чтобы он нашим пленным веревки ослабил, но сил уже совершенно не было. Залезла под мягкое одеяло и провалилась в сон.

Глава 4

Открыв глаза, я поняла, что сижу в ажурном белом кресле, за таким же ажурным белым столиком, в белой комнате без окон.

На мне белая обтягивающая блузка из белого гипюра и старомодная темная пышная юбка. На ногах туфли-лодочки. Волосы подняты наверх и заколоты шпильками в простую прическу.

Когда я подняла глаза, чтобы осмотреться вокруг, то вскрикнула от неожиданности.

– Извини, не хотел пугать, – знакомым голосом сказал мужчина, сидящий напротив меня.

Он был одет в старомодный черный сюртук с белой рубашкой. Худощавый. Светловолосый, голубоглазый и с аристократическим носом. На первый взгляд мне показалось, что ему лет тридцать, но, когда он посмотрел на меня своими светлыми уставшими глазами, я поняла, что ему гораздо, гораздо больше.

Почему-то в голове возникло число девятьсот девяносто девять.

– Да, – кивнул мужчина. – Ты правильно почувствовала. Мне действительно девятьсот девяносто девять лет.

– Кто вы? – спросила я, прочистив голос.

– Моё имя Хайрук, – ответил мужчина. – Я последний

Хозяин Белой Усадьбы. Точнее, теперь уже не последний, а предпоследний. Ведь появилась ты, – тут же поправился он и продолжил: – И это я переместил тебя в наш мир.

– Как? – прошептала я.

– Это сложный ритуал, если надо – ты ему обучишься. Там, – он небрежно махнул рукой куда-то за мою спину, и я на автомате обернулась, заметив дверь в белой стене, – есть библиотека. В этой библиотеке все наследники силы собирают и хранят свои знания, и каждый из наследников способен эти знания изучить.

– Интернет, – на автомате сказала я.

– Да, что-то подобное, – кивнул мужчина. – Я изучал достижения твоего мира и понял, что система похожа. Только у вас доступ в интернет имеют почти все, а у нас лишь избранные.

– Ну, у нас тоже есть закрытые сервера, где хранятся знания, куда попасть могут только определенные люди, – ответила я.

– Если тебе так удобно, можешь считать, что ты попала на такой сервер, – пожал плечами Хайрук. – Раньше, когда наследников силы, а точнее, Хозяев Белых Усадеб, как принято называть нас в этом мире, было много, мы все могли встретиться здесь, пообщаться, обменяться новостями, дать друг другу советы. Но это было давно...

Во взгляде мужчины проскользнула печаль.

– Куда все делись? – осторожно спросила я.

– Умерли от старости, – весело усмехнулся мужчина. – И слава местным богам.

– Почему? – задала я резонный вопрос. – Я думала, что все хотят жить вечно.

– Если бы моя истинная не умерла пятьдесят зим назад, я бы так же продолжал думать. Но без неё я жить не хочу.

Он встал со стула и галантно подал мне руку.

– Идемте, я покажу вам нашу библиотеку.

Я приняла руку мужчины и, поднявшись, пошла вслед за магом. По дороге мою руку он переложил на свой локоть.

Хайрук открыл дверь, и мы вошли вовнутрь.

Я ожидала увидеть кучу книг на полках. Но вместо этого там стояли длинные конусообразные, светящиеся разными цветами кристаллы на подставках. Размером где-то сантиметров десять в длину и три в ширину каждый.

– В этих кристаллах мы храним наши бесценные данные, – сказал Хайрук, подводя меня к самой первой полке, что находилась возле входа.

Он взял кристалл с подставки и протянул его мне.

Я на автомате взяла его в руку, и в мою голову потоком хлынула информация.

От неожиданности и скорости потока я не сразу поняла, что это такое, но, когда поток начал замедляться и останавливаться, я смогла разобраться в образах, мелькающих перед глазами.

Это была история.

История белых магов.

Которые сейчас называют себя Хозяевами Белых Усадеб.

Мир, в который я попала, не был их домом.

Их домом был другой мир, который погиб много тысячелетий назад из-за войны между магами.

В том мире было много магии. И каждый человек рождался одаренным тем или иным цветом магии. Да, магия различалась по цветам.

Черная магия – магия смерти.

Зеленая магия – магия растений.

Красная магия – магия огня.

Белая магия – магия жизни.

И так можно было перечислять до бесконечности.

Кто-то владел одним видом магии, кто-то несколькими.

Силы было слишком много, поэтому маги и не смогли удержать её в узде. Они постоянно устраивали войны по любым поводам. И одна из таких войн привела к гибели всего мира.

Кучка магов смогла открыть портал и переместиться в другой мир.

Этот мир назывался Пфарот.

Он также был населен людьми. Вполне себе разумными. И еще не загрязнен новыми технологиями.

Но вот незадача, оказалось, что в этом мире магии почти нет. А если и есть, то жалкие крохи.

И стали великие маги практически обычными людьми. На

любое, даже самое простое бытовое заклинание требовалась прорва энергии, которую магу приходилось копить минимум тридцать оборотов большого спутника Яоса вокруг Пфарота.

Понятно, что маги на Пфароте даже слабыми были сильнее любого местного человека. Поэтому смогли с легкостью завоевать весь мир. А так как их было немного, то они не стали ссориться и разделили территории между собой поровну.

И когда они полностью закончили свою экспансию и установили свои законы по всему миру, то решили, что стоит поискать места, где их сила накапливается чуть быстрее.

Они заметили этот факт еще тогда, когда занимались завоеванием территории. Но времени для изучения не хватало, тем более что отклонения были всего в двух-трех днях, не больше. Но даже эти крохи их заинтересовали.

Каждый из магов смог на своей территории вычислить такое место, и решили они его изучить более детально.

Разрыли огромные котлованы и действительно ощутили небольшой поток магии. Слабенький, но все же! Теперь их магия накапливалась в два раза быстрее, чем раньше. Маги обрадовались и начали рыть котлованы с удвоенной силой в надежде увеличить поток магии.

Поток действительно увеличился, да только маги не сразу поняли, что магия, которая полилась из недр земли, начала уничтожать все живое вокруг.

Сейчас эти земли называют великой пустошью. Потому что даже реки и озера полностью пересохли близ того источ-

ника.

Маги, совместив свои усилия, провели ритуал и сумели запечатать смертельный источник. Да только и самим им пришлось оставить свои жизни во время этого ритуала.

Остальные маги прекратили рыть свои котлованы, узнав о трагедии, и тоже попытались их запечатать. Запечатать запечатали, да только заплатки поставили некрепкие. И одна из таких заплаток в один из прекрасных дней рванула. Да с такой силой, что часть континента ушла в один миг под воду. Магам той страны пришлось тоже принести в жертву свои жизни, чтобы полностью запечатать место силы, которое начало распространять смертоносную магию.

Другие маги поняли, что их рано или поздно ждет то же самое.

И стали они думать, расчеты разные проводить.

И придумали. Точнее, сами поняли постепенно.

На каждом месте силы маги построили дома, еще задолго до трагедий. Но там, где произошли две трагедии, белых магов не было совсем.

Сначала они не обратили на этот факт внимания, а когда заметили, что белые маги стали в разы сильнее, то поняли, что тут что-то не так.

Они более подробно изучили этот вопрос и поняли, что белые маги способны поглощать и перерабатывать энергию из мест силы.

Так белые маги стали хранителями мест силы. Остальные

маги постепенно умерли от старости, так и не оставив наследников своей силы.

А белые маги, наоборот, стали появляться в этом мире. Правда, с каждым тысячелетием всё реже и реже, пока не остался всего один.

Я открыла глаза, и оказалось, что опять сижу, точнее, полужелезу в одном из мягких кресел в библиотеке, а маг расположился напротив меня.

– Извини, что не предупредил, – искренне сказал он. – Забыл уже, как это с новенькими бывает. Я был самым молодым среди Хозяев. И меня посвящали так же, но это так давно было, что я уже позабыл...

– У меня столько вопросов, – хриплым голосом сказала я, пытаюсь понять, с чего же начать...

– У меня мало времени, – покачал головой мужчина, прерывая меня. – Я не смогу ответить на все твои вопросы. В этой библиотеке все знания, которые я и все мои предшественники копили несколько тысячелетий. Пользуйся.

– Но как я пойму, где тут что?

– Вот там, – он указал рукой на постамент, что стоял посреди библиотеки, – есть кристалл, в нем все данные о том, где и что находится. Дальше, – продолжил он, – твоя задача – из детей, которых ты нашла в подвале, сделать Хозяев. Они все являются носителями крови белых магов. Источник их примет, главное, чтобы их помыслы были чисты, а сердца добры.

– Как это сделать? – в шоке посмотрела я на мужчину.

– Воспитать, – поправился он.

– Это шутка? – хмыкнула я.

– Я похож на шутника? – оскорбился маг.

– Нет, – покачала я головой и тут же начала пояснять: –

То, о чем вы говорите, невозможно. Эти дети... им уже никогда не стать добрыми и светлыми, кроме самых маленьких – Крылы и Флины. Но остальные... они же прошли через ад! Они же не смогут никогда простить людей за то, что те с ними так поступили!

– У вас есть в запасе двадцать лет, – прервал меня маг. – Через двадцать лет заплатки начнут срываться, мир начнет гибнуть. Если вы не сможете из этих детей сделать Хозяев, то и вы сами, и ваш сын тоже погибнете.

Маг вдруг начал исчезать.

Я вскочила и попыталась схватить его за руку, но поймала лишь воздух.

– Подождите! Так же нельзя! Вдруг есть другой выход? – запаниковала я.

А Хайрук мягко улыбнулся мне и затихающим голосом сказал:

– У вас всё получится, вы очень светлая, вашей любви хватит на то, чтобы изменить их всех. А мне пора, я и так уже слишком надолго задержался в этом мире.

Маг исчез на моих глазах, а я отчетливо почувствовала, что его жизнь оборвалась.

Я открыла глаза, на этот раз лежа в своей постели. И с ужасом поняла, что понятия не имею, как мне вернуться обратно.

Попыталась закрыть глаза и представить то самое место, где я только что была, и сразу же там очутилась.

– Фух! – шумно выдохнула я, а затем услышала чьи-то жалобные всхлипы.

Будто кто-то плакал, но усердно пытался сдерживаться, правда у него или неё ничего не получалось.

Я вскочила с кресла, на котором опять сидела, и рванула в сторону доносившегося плача. А оказалась в следующей комнате, той изначальной – белой, пустой, без окон, с ажурным столиком и такими же ажурными стульями.

Плач доносился из-под стола, я присела на корточки и осторожно приподняла скатерть.

Под столом сидела маленькая Крила, она обнимала Флину и зажимала ей рот ладошкой, пытаясь успокоить словами:

– Незя пакать, угать будут.

– Вы что тут делаете? – спросила я, не до конца понимая, как тут дети оказались.

Крила с Флиной притихли и посмотрели на меня с ужасом.

Я постаралась мягко улыбнуться и так же мягко заговорила:

– Девочки, вылезайте, чего вы там прячетесь?

– А можа? – спросила Крила недоверчиво.

– Конечно, можно, – кивнула я и, улыбнувшись, протянула руки. – Хватайтесь за мои ладони, я вас выведу и покажу, что тут.

Хотя и сама еще не очень хорошо понимала, где нахожусь, но дети... перед детьми никогда нельзя показывать неуверенность в себе.

Малышки потянулись ко мне и взяли меня за обе руки.

Я же мысленно выдохнула, что не пришлось их долго уговаривать. Хорошо, что они мне уже доверяют.

Девочек я легко взяла на руки, обеих.

Не знаю, может, тут место такое было, но они оказались легкие, как пушинки.

Одну посадила на один локоть, вторую – на второй.

Малышки обняли меня за шею с двух сторон, вцепившись своими ручонками.

А я подумала, что если их уже дом принял как белых магов, то, наверное, и комнату для маленьких создал?

И тут в стене прямо у меня на глазах появилась еще одна дверь, рядом с той, что вела в библиотеку.

Я осторожно подошла к ней, толкнула носком ноги, и дверь распахнулась.

Оказалось, что это и правда детская. У моего сына в садике такая же была.

С детской мебелью разных цветов, удобным мягким и разноцветным ковром на полу и, конечно же, целой кучей игрушек, по большей части развивающих.

Я опустила малышей на пол, подтолкнула и тихо сказала:
– Ну что, играть будем?

Девочки посмотрели на меня растерянно.

Я, взяв их за руки, повела к полкам с игрушками.

– Выбирайте любую, будем играть, – сказала я девочкам, остановившись возле шкафа и отпустив их руки.

Малышки явно растерялись от такого изобилия.

Они в шоке смотрели на всё это богатство и не могли определиться, что же им взять.

Я не стала их подталкивать и решила посмотреть, что же они выберут.

Первой решилась на выбор более старшая – Крила.

Она взяла в руки пирамидку, которая стояла к ней ближе всех, и вопросительно посмотрела на меня, ища одобрения.

Флина ничего брать так и не стала, ну это и понятно, она еще слишком маленькая, но думаю, что постепенно за старшей подругой будет тянуться и как минимум повторять.

– Вот и хорошо! – преувеличенно бодро сказала я, подбадривая девочку. – Это называется пирамидка. Давайте в неё играть.

Я больше не стала мучить девочек, им надо освоиться и начать вливаться в нормальную жизнь постепенно.

Я уселась на мягкий коврик и похлопала по нему.

– Идите сюда, будем играть.

Крила пошла ко мне, а следом и Флина потянулась.

Девочки уселись на ковер, повторяя за мной позу, а пира-

мидку Крила поставила на середину.

Это здорово, значит, не жадничает. Уже хорошо.

– Вот смотрите, – начала я объяснять каждое своё действие, помня о том, что с детьми надо много разговаривать и всё объяснять, чтобы они учились новым словам. – Снимаем сверху колпачок и начинаем по одному снимать колечки. Вот так всё просто. – Я сняла самое первое кольцо и сразу же спросила девочек: – Кто знает, какого цвета это кольцо?

– Синя, – тихо ответила Крила,

– Отлично, молодец! – улыбнулась я и четко проговорила название цвета и предмета: – Это синее кольцо! А теперь ты, Крила, попробуй снять следующее колечко, – посмотрела я на девочку с улыбкой.

Та настороженно потянулась, будто это не пирамидка, а змея, так же настороженно сняла одно кольцо и сразу же посмотрела на меня, взглядом спрашивая, что делать дальше.

– А это какой цвет? – спросила я девочку.

– Касный, – опять тихонько ответила она, не зная, что делать с кольцом и держа его на вытянутой руке.

– Правильно! – опять преувеличенно бодро ответила я и проговорила четко название предмета: – Это красное кольцо! Клади его в эту кучку. А ты, Флина, хочешь попробовать? – посмотрела я на маленькую.

Но она убрала руки за спину и посмотрела на меня растерянно.

– Так, ладно, Флина, пока смотрит, а мы дальше играем, –

кивнула я, не став заострять внимание.

Есть дети более застенчивые, и они постепенно сами подключатся к игре, а может быть, чуть позже ей захочется изучить пирамидку самостоятельно.

В итоге мы с Крилой сняли все кольца, она назвала мне все цвета, чем очень меня порадовала, а вот Флина так и не хотела с нами играть, зато с живым интересом наблюдала.

Это тоже хорошо. Заметно, что она расслабилась, успокоилась и больше не хочет плакать.

– А теперь мы будем обратно колечки собирать, – сказала я, – начиная с большого и заканчивая самым маленьким. Давайте попробуем разложить их по размеру?

Я старалась говорить с обеими девочками, чтобы никого из них не выделять и не исключать из игры.

– Да, – закивала Крила.

Я взяла большое кольцо и опустила его на шест.

– А какое следующее? – спросила я у девочек.

На что Флина не отреагировала, а вот Крила схватила первое попавшееся кольцо и быстро опустила его на шест.

– Так, хорошо, – не стала поправлять я девочку. – А следующее?

В итоге Крила полностью собрала всю пирамидку, правда сама уже под конец начала догадываться, что что-то явно пошло не так. Все кольца лежали не по размеру.

– Что-то не так, да? – задумчиво посмотрела я на пирамидку. – Интересно, а как правильно? Давай разберем и еще

раз попробуем?

Мы разбирались с пирамидкой очень долго, но у Крилы так и не получилось собрать её правильно, пока я не встала и не нашла такую же, принесла её и поставила перед ребенком как образец.

Только так Крила разобралась и смогла собрать пирамидку правильно.

– Ура! Теперь всё правильно, – захлопала я в ладоши и заметила, как заулыбались обе девочки, а у Крилы глаза засияли от гордости, что она смогла всё сделать верно.

– Ты такая молодец, умница, всё правильно сделала, – решила закрепить я успех у ребенка.

И, повернувшись, к Флине добавила:

– А ты-то какая молодец, как хорошо нам помогала! Скоро и сама сможешь пирамидки собирать, да?

Флина посмотрела на меня и неуверенно кивнула, улыбаясь.

Эти улыбки для меня были самой дорогой наградой за этот невыносимо долгий и тяжелый день.

Я заметила, как обе девочки зазевали.

– Теперь убираем игрушки на место, – сразу же решила объяснить я правила девочкам. Чтобы потом эти обязанности они не перекладывали на меня.

И, вручив одну пирамидку Криле, а вторую Флине, подвела их к полкам, и девочки поставили игрушки на места.

– Вот и хорошо, – сказала я, – а теперь дальше спать?

Девчонки закивали и одновременно растворились в воздухе, я в панике тоже переместилась обратно к себе в комнату и рванула смотреть, всё ли с детьми хорошо.

Сначала зашла к Флине, но малышка спокойно посапывала в своей кроватке и даже улыбалась во сне. Я заглянула в комнату к Криле и увидела такую же картину.

Как у них так получилось? Они хоть сами понимают, как это сделали? Или это дом чудит, чувствуя их настроение?

Надо будет изучить этот вопрос. Но позже, а то я сама уже устала, ведь так и не спала толком. Остальные вопросы буду решать завтра.

И пошла спать, теперь уже по-настоящему, безо всяких сновидений и перемещений в разные комнаты.

Наверное, игра с девочками меня морально успокоила и показала, что постепенно мы со всем справимся. Два потенциальных мага у меня уже есть, осталось еще пять воспитать.

Глава 5

Проснувшись, я потянулась и, наверное, в первые за долгие годы ощутила себя просто великолепно. У меня ничего не болело, и я чувствовала себя совершенно отдохнувшей.

Видимо, мозг не сразу включился, потому что только лишь спустя минуту я вспомнила, что у меня теперь целая куча детей, которых надо накормить завтраком.

Вскочив с постели, я побежала в гардероб искать удобную одежду.

Мне попались под руку джинсы серого цвета, белая кофта с коротким рукавом и небольшим вырезом и кроссовки – серые. Быстро почистив зубы, я заплела волосы в косу, подумав о том, что слишком уж они какие-то длинные.

В зеркало на меня посмотрела молодая девчонка, которой на вид было лет восемнадцать. Худющая, тоненькая вся какая-то. Симпатичная. Лицо сердечком, губы пухлые розовые. Глаза большущие голубые. Но совсем не наивные.

И то хлеб.

Непривычно.

Я больше не стала заострять на этом внимание и быстро пошла в коридор.

Он встретил меня неестественной тишиной.

Я открыла первую дверь – тут мой сын остановился, но его комната оказалась пустой.

Я подумала, что ребенок мог в ванной быть, подошла, прислушалась возле двери, но там была тишина, постучалась на всякий случай и крикнула:

– Лёшенька, ты внутри?

Но сын не откликнулся, я открыла дверь и поняла, что там его тоже нет.

Панические мысли о том, что с сыном что-то могло случиться, я постаралась задавить на корню.

Выйдя из комнаты сына, я постучалась в следующую. Помню, что её занял один из близнецов, но она оказалась пуста.

Тут я уже не смогла сдержать панику и рванула в следующую комнату, затем в следующую – и так оббежала все, даже в комнате Тодора побывала.

Ужас подкатил к горлу, и я поняла, что сейчас просто начну рыдать, истерить и топтать ногами.

Я встала посреди коридора, осмотрелась по сторонам и закричала:

– Где все?!

В голове тут же замелькали образы.

Я будто кино смотреть начала.

Девочки что-то делали на кухне, кажется, пытались готовить, а мальчишки разделились. Близнецы чем-то занимались на втором этаже, вроде бы исследовали комнаты, а мой сын с Тодором и Цедриком были на улице. Это было небольшое кладбище, которое находилось в дальнем уголке поме-

стья, и они закапывали могилы.

Я оцепенела от этого зрелища, не зная, что и думать.

В голове возникла целая куча вопросов.

Что за чушь? Какие могилы? Для чего? Зачем? Кого?

А у меня перед глазами появились новые образы, только в обратном ускоренном темпе.

И я поняла, что это за могилы такие и кого они закапывали.

Кстати, близнецы там тоже были и помогали им.

Они закапывали убитых мною и Тодором бывших хозяев усадьбы.

Я передернулась от омерзения и уже хотела рвануть и возмутиться на мужчину за то, что он привлек детей к этому ужасу, но притормозила на лестнице второго этажа, услышав разговор близнецов.

– Ненавижу мертвецов, – сказал один из мальчишек. – Меня чуть не вывернуло, пока я их тащить помогал.

– Лучшедохлые, чем живые, – хмыкнул второй. – Да и не девчонкам же это делать? Мы мужики – кто, если не мы?

– Хозяйка говорила, что нужен суд для остальных, – протянул первый.

– Ну пусть судит, теперь она тут главная.

– Думаешь, она нас выгонит потом?

– Конечно, зачем мы ей сдались? Клятву не принесли, как Цедрик и Тодор, значит, точно погонит.

– Так, может, принесем ей клятву? – неуверенно спросил

первый.

– Не знаю, – ответил второй. – Если от работы не будем отлынивать, может, и клятва никакая не потребуется.

– Тогда давай дальше смотреть, что тут...

– Ага...

Голоса мальчишек стали отдаляться, как будто они ушли далеко от двери, а я не стала их подслушивать.

Их разговор натолкнул меня на более разумные мысли.

Все же в чем-то они правы.

Не женское это дело – с трупами возиться, но, с другой стороны, и не для детей...

Я выдохнула.

Не буду на Тодора ругаться, просто поговорю... Пусть лучше меня привлекает в следующий раз к такой работе, чем детей.

Я зашла на кухню и увидела просто идеалистическую картину.

Девочки, одетые в чистые платья и передники, прибрались в помещении, насколько это возможно было сделать, наготовили блинов, каши и уже накрывали на стол.

Даже где-то варенье нашли, судя по банкам, стоящим на столе.

Крила с Флиной тихонько сидели на стульях, тоже в чистых платьях и передниках, и хлопали глазенками.

– Здравсти, – тихо сказала Мариша, заметив меня.

– Здравсти, – кивнула Сатия и почему-то с ужасом посмот-

рела на малышек, а затем нервно оглянулась на Маришу и опять на меня.

– Ох, ничего себе, – улыбнулась я как можно шире. – Какие вы молодцы! Такую чистоту навели и блинов напекли! Хозяюшки вы мои.

Я подошла к девочкам и, притянув их обеих к себе, крепко обняла и поцеловала в макушки. Что Мариша, что Сатия словно окаменели от моих нежностей. Но я не стала обращать на это внимание. И, сразу же отпустив их, пошла тискать маленьких. Ничего, я еще научу их нежностям. Оттают постепенно.

Крила с Флиной на мои тисканья отреагировали вполне нормально. Не зря я ночью с ними играла. Крила даже улыбнулась, а Флина спрятала мордашку, опустив её вниз, и опять заскромничала.

– Это кто же вас научил так готовить? – спросила я растерянных от моих тисканий девчонок.

– Это всё Мариша, – сдала подругу Сатия. – Она готовила, я только помогала. Убиралась, и всё.

– Вот это да. Удивила, Мариша, не ожидала. Ты же такая маленькая, а уже готовить умеешь? – Я в шоке уставилась на девочку.

– Меня мама научила, пока жива была, – тихо сказала Мариша. – Пока она болела, мне приходилось все самой делать. Крила-то совсем мелкая. Вот я и научилась с её подсказок.

– Ты большая молодец, – искренне сказала я Марише, на

что она зарделась и, отвернувшись, продолжила расставлять чистые тарелки на стол.

– А тут у вас что такое?

Я заметила большую кастрюлю на столе.

– Это ягодный напиток, – ответила Мариша.

– А где вы продукты нашли?

– Это Тодор нашел, – сказала Сатия и очень тихо добавила: – Там, в подвале, где мы сидели, только напротив наших клеток.

– Понятно, надо тоже туда наведаться, – сказала я и начала разливать напиток по стаканам.

Когда закончила, то подхватила на руки Флину и села на её место.

– Надо всех позвать, – пробормотала Сатия и рванула на выход.

– Вот вы молодцы какие, такую чистоту навели, устали, наверное, – сказала я, задумчиво разглядывая чистый пол и поверхности.

– Нам близнецы помогали, – ответила Мариша, беря на руки Крилу и усаживаясь рядом со мной.

– Давай малышей покормим уже сейчас и отпустим, пусть погуляют рядом, – предложила я, заметив, с какой жадностью девочки смотрят на стол.

Мы принялись кормить девочек, а в кухню уже вошли близнецы и неуверенно застыли на пороге, спрятав руки за спину.

А я вспомнила, что они на втором этаже что-то делали и трупы эти таскали.

– Так, сначала руки мыть, потом к столу! – громко командовала я мальчишкам.

Если буду мямлить, мало того, что уважать перестанут, так еще и начнут игнорировать серьезные вещи, такие как чистоплотность.

Я читала много литературы про мальчиков и их взросление, готовилась к тому, что Алекс будет творить, и там говорилось, что мальчишки очень любят бунтовать в таком возрасте – в принципе, и девочки тоже. Но мальчишки сильнее. И идти против любых правил. Будем надеяться, что Тодор в этом плане мне поможет. Надо будет с ним серьезно на эту тему поговорить.

Близнецы как будто боялись, что я уже сейчас их погоню, потому шумно выдохнули и быстрым шагом пошли к раковине.

– О, вода горячая потекла, – сказал один из близнецов.

– Это хорошо, – тихо пробурчал второй.

Кстати, мальчишки были одеты в чистую одежду, но, похоже, из-за того, что они по второму этажу шарились, их одежда уже успела запылиться.

Но я не стала отправлять их переодеваться.

Надо будет потом этот вопрос решить. Составить для детей четкое расписание, чтобы не было подобных проблем.

Насколько я знаю, самое важное для любого ребенка – это

четкая дисциплина и занятость любимым и интересным делом.

Значит, надо будет выяснить, что ребятишкам нравится. А еще же учеба! Надо же с ними начать учиться... Ух... надеюсь, в библиотеке знаний я найду какую-то информацию на эту тему.

Мальчишки помыли руки и пошли к столу.

Близнецы уселись рядом на те же места, на которых сидели вчера. Но за еду пока не брались и с жадностью посматривали на то, как мы кормим малышей.

– Сейчас остальных дождемся и приступим к еде, – улыбнулась я. – А Крилу с Флиной покормим, чтобы нам с Маришкой они не мешали. Надо будет потом для них стульчики отдельные сделать, чтобы ели вместе с нами.

– Дети со взрослыми не должны есть, – пробормотал один из близнецов.

– Почему это? – удивилась я.

– Так принято, – пожал он плечами. – Мы всегда по отдельности от родителей обедали.

– А мы вместе с мамой и папой всегда ели, – вставила свои пять копеек Мариша.

– Я тоже всегда с родителями своими ела, – сказала я, опять улыбаясь. – Значит, и в этом доме мы будем есть все вместе.

Близнецы промолчали, а в кухню ввалились остальные: Сатия, Тодор, Цедрик и Алекс.

Очень сильно хотелось потискать сына, но на руках у меня была Флина, да и выделять теперь ребенка мне было нельзя.

Надо привыкать, что все эти дети теперь мои. И любимых у меня быть не должно. Только так я смогу попытаться воспитывать их.

Сатия сразу же пошла к своему месту, а остальным я командовала:

– Всем мыть руки!

Первым руки помыл Тодор.

Я заметила, что мужчина опять вошел с замотанным какой-то тряпкой лицом.

Интересно, если я теперь всесильная целительница, смогу ли я его от этих безобразных шрамов избавить? Надо в библиотеке поискать...

Я заметила, что Флина уже наелась, и отпустила её на пол, Мариша тоже отпустила Крилу.

Правда, девочки застыли и нерешительно посмотрели на нас, никуда не отходя со своих мест.

– Если не хотите побегать, то можете присесть на стулья, тут хватает, – сказала я им.

Обе малышки сразу же пошли к свободным стульям, самостоятельно залезли на них и тихонечко сели.

А я подумала, что с этими детьми надо еще работать и работать. Слишком уж они спокойные и тихие. Для их возраста это ненормально.

Да тут, в общем-то, все дети слишком тихие и спокойные.

Даже мой Алекс и тот сильно изменился...

Раньше он был более шептливой, до болезни...

— Ну что, теперь можно и есть, — постановила я, так как все сели за стол и смотрели на меня в ожидании, даже Тодор и мой сын не начинали завтракать.

— Ой, какая вкуснотища! — похвалила я кашу. — Маришка-то у нас, оказывается, настоящий повар! Вот молодец так молодец. А блинчики! Объедение!

Мариша вся покраснела и, уставившись в свою тарелку, молча уплетала кашу.

— Да, вот уважила хозяйюшка, умница, — сказал Тодор, посмотрев на девочку с теплотой во взгляде.

Мальчишки быстро поели и молча начали вставать со своих мест, а я решила сразу же всех предупредить:

— Так! Все дружно сказали: «Спасибо!» И привыкайте: выходя из-за стола, все говорим: «Спасибо!» — берем свои тарелки и несем к раковине. А посуду все будут мыть по расписанию. Мариша с Сатией готовили, значит, мальчики будут убираться. Итак? Не слышу?

— Спасибо! — первым сразу же отозвался Алекс.

— Спасибо, — повторил Тодор

И остальные тоже все сказали: «Спасибо», даже Крила.

Только Флина растерянно смотрела по сторонам, не пытаясь повторить.

Интересно, она говорить вообще умеет?

Я посмотрела на близнецов, но по их шоку во взглядах

поняла, что лучше им завтра заняться посудой, и перевела внимание на Алекса и Цедрика.

– Сегодня моют посуду Алекс и Цедрик, а также убирают еду обратно в погреб, чтобы ничего не испортилось. – И взглянула на девочек. – Мариша, Сатия – проследите за мальчишками?

Девочки тоже были в глубоком шоке и рассеянно покивали.

Я хмуро посмотрела на Цедрика и своего сына.

– Узнаю, что девчонки за вас все сделали, – получите наказание!

– Какое еще наказание? – сразу же ошетинился Цедрик.

– Завтра тоже будем убираться, – печально выдохнул мой сын, уже зная все мои наказания.

Цедрик даже растерялся, заметив, что все понесли свою посуду к раковине, тоже встал и понес свою.

– А близнецы возьмут чистые тарелки, положат туда кашу и унесут нашим пленникам, – добавила я, строго смотря на рыжих мальчишек.

И заметила, как от злости скрипнули зубы у обоих, но спорить со мной они не стали и, молча взяв тарелки, начали накладывать в них кашу из кастрюли.

– А они нам каши ни разу не давали, – тихонько пробормотала Мариша.

– И только один раз в день кормили, – еще тише добавила Сатия.

– Хлеб и вода, – шепотом сказал кто-то, то ли мой сын, то ли Цедрик – я не поняла.

Я же, с шумом выдохнув, чтобы больше не было пересудов, громко сказала:

– В моем доме голодать не будет никто и никогда! – И упрямо посмотрела на всех детей, стараясь поймать взгляд каждого, чтобы уяснили мою позицию.

Последним под моё внимание попал Тодор, но он выглядел спокойно и даже, как мне показалось, одобрительно кивнул.

– Тодор, покажи мне, где хранятся продуктовые запасы, – сказала я мужчине. – Надо бы провести ревизию.

Мужчина посмотрел на меня с удивлением.

– Еда, – поправилась я. – Хочу понять, на сколько нам её хватит и хватит ли вообще.

– Конечно, идем, Рина.

Он галантно пропустил меня вперед, а сам опять замотал тряпкой лицо.

Я не стала пока ничего говорить мужчине, а то вдруг у меня ничего не получится, а я его обнадежу. Видно же, что он стесняется своих шрамов.

Мы прошли по коридору и спустились в тот самый злощастный подвал.

– Тут пленники, – показал Тодор на дверь слева, – а тут еда, – указал он на дверь справа.

В коридоре горел тусклый свет. Когда мы отсюда выбира-

лись, я смотрела лишь на связанных работорговцев и не заметила дверь напротив.

Тодор открыл её ключом.

Тем самым, который от всех дверей.

Интересно, а мне он вообще нужен, этот ключ? А то, может быть, я, как Хозяйка, могу и без ключа везде ходить?

– Тут первое помещение. Оно сухое. Тут хранятся макароны, крупы, мука, приправы. Всё сыпучее.

Я осмотрелась и поняла, что работорговцы явно запасливые товарищи. Само помещение было размером не меньше десяти квадратов. Все стояло в больших холщовых мешках, на полках, да не по одному и с надписями на каждом мешке. Поэтому легко можно было понять, где и что хранится. Пол был чистым. И никаких насекомых или мышей я не заметила.

И тут до меня дошло, что сегодня я в доме тоже не видела ни одного насекомого или грызуна. Неужели ушли? Да и лестницы были относительно чистыми... не то что вчера.

– Следующая комната – холодная, – повел меня Тодор дальше. – Тут хранятся яйца, молоко, сметана, творог, масло, копчености, сыры, овощи, фрукты, ягоды и прочие продукты, которым нужен умеренный холод.

Эта комната была в три раза меньше. И еды тут было на порядок меньше. Ну да... тут же скоропортящиеся продукты хранятся. Прохладно, как в холодильнике примерно.

– А где они это всё берут?

– Деревенские раз в неделю им привозят.

– И они им за это деньгами платили, – резюмировала я.

– Скорее всего, нет, – покачал головой Тодор. – Думаю, что это рента. Деревня-то на территории Усадьбы находится. И селяне платят аренду едой.

– Это радует, – пробормотала я. – А нам будут платить едой?

– Еще как, – хмыкнул Тодор. – Думаю, что тут такое па-ломничество начнется, что мы не продохнем от желающих нас всех накормить.

– Серьезно? – нахмурилась я.

– Еще как, – кивнул Тодор.

Я как представила, что сюда сейчас народ начнет съезжаться, так мне дурно стало.

Я ведь еще толком с детьми не разобралась. Мне их воспитывать надо, а тут проходной двор, что ли, будет? Они мне ребятишек вконец испортят...

– Слушай, – посмотрела я на мужчину, – так, может, пока не говорить, что я тут появилась, а? Что-то мне не по себе. Давай повременим с этим делом?

Тодор какое-то время думал, а затем пожал плечами.

– Долго скрывать не получится, – сказал он. – Думаю, что через год они сами всё поймут...

– Год – это уже хорошо, – прервала я его. – Но будем все же скрывать до последнего. Договорились?

– Как скажешь, – пожал плечами Тодор и повел меня в

следующее помещение. – А тут морозилка для мяса и рыбы.

Тодор показал мне третью комнатку, которая была таких же размеров, как и первая, если не больше. Тут висели огромные разделанные туши разных животных, стояла колода с воткнутым топором, чтобы мясо рубить. Рыба хранилась здесь же, только в отдельном отсеке. Ну хоть так, и то хорошо. Хотя хранить рядом рыбу и мясо не дело, конечно...

Надо бы отдельное помещение организовать...

– Тодор, я на самом деле о многом поговорить с тобой хотела, – выдохнула я, когда мы вышли в комнатку, где хранились сыпучие продукты.

– Я тебя слушаю, Рина, – тут же подобрался мужчина.

– Сегодня ночью я встречалась с последним Хозяином Белой усадьбы. Его имя Хайрук. И от него я узнала очень много новостей. И они не самые приятные. – Я набрала побольше воздуха в грудь и начала пересказывать всё, что узнала от мага: – Во-первых, все дети, которых мы освободили, должны стать Хозяевами Белых Усадеб по всему миру. Во-вторых, если они не станут ими, то весь мир погибнет. В-третьих, Хайрук мне сказал, что на данный момент я единственная Хозяйка Белой Усадьбы. Но моих сил не хватит на то, чтобы спасти весь мир. У нас в запасе всего лишь двадцать лет, чтобы я смогла воспитать из ребятишек белых магов и отправить их в Белые Усадьбы. Ну и последняя новость: Хайрук сегодня умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.